

Театръ и искусство.

— XI-й годъ изданія. — 1907. —

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

„Театръ и Искусство“

на годъ (съ 1-го января) 7 руб.,

на полг. (съ 1-го юля) 4 руб.

(Прилож.: ежемѣсячный журн. „Библиотека
Театра и Искусства“).

Отд. М.И. по 20 к.

Объявл.—40 к. строка петита (въ 1/3 стран.)
позади текста, 50 к.—перекъ текстомъ.

С.-Петербургъ. Гороховая, 4.

Тел. 1669.

Адресъ для телеграммъ:

С.-Петербургъ. Театръ Искусство.

СОДЕРЖАНИЕ:

Децентрализація цензуры.—О Театр. Обществѣ, Союзѣ и друг. вопросахъ. III. А. Кугеля.—Хроника.—Письмо въ ред.—Музыкальныя замѣтки. II. Кнорозовскаго.—Пушкинскій „Ворисъ Годуновъ“ у Художественниковъ. Н. Россова.—Злость критики. А. Ростиславова.—Чрезвычайное Общее Собрание членовъ Театральнаго Общества. С. Светлова.—Живъ Куррика!.. Анатолия Кремлева.—Новыя изданія „Театра и Искусства“.—„Воззваніе“ саратовскаго епископа Гермогена.—Маленькая хроника.—По провинціи.—За границей.—Провинціальная лѣтопись.—Составъ труппъ.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † А. М. Шмидтгофъ, Фриде, Саша Гитри, Мальвина Вагнеръ-Грюнбергъ, „Сфинксъ“, „Жизнь человѣка“—оперетка, „Графъ-де-Ризооръ“ на сценѣ японскаго театра, г. Москвинъ—Самозванецъ (шаржъ).

Контора журнала высылаетъ всѣ новинки (печати., литогр. и рукописи.).

Послѣднія изданія „Театра и Искусства“.

„Религія красоты“, (Общество улучшенія человѣческой породы), въ 5 д. Фр. Ведеккина пер. Ел. Кугель.
Ц. 2 р. комплектъ ролей 4 руб.

„Незначительная женщина“, О. Уайльда (близ. новинка Александрин. театра) пер. В. Томашевской. Въ печати. Ц. 2 р.

„Въ сумеркахъ разсвѣта“, въ 4 д. В. Гейера, ц. 2 р. (близ. новинка театра Корша).

„Порядочные люди“, Этюдъ въ 5 карт. К. Острожскаго (Репер. СПб. Малаго т.) рук. ценз. 6 руб. Ролей 4 руб.

„Соперница“, въ 4 д. Кистемекера и Делара, пер. В. Томашевской, ц. 2 р.

„Черныя Вороны“, В. В. Протопопова, въ 5 д. ц. 2 р., ролей 4 р.

„Пробужденіе весны“, Ф. Ведеккина пер. Елены Кугель. ценз. экз. 2 р. 50 к. Компл. ролей 4 руб.

„Дѣльцы“, 1. Колышко, цѣна 2 р. Компл. ролей 4 руб.

„Безпечальныя“ („Волна“), въ 4 ж. В. Рышкова, ц. 2 руб. Компл. ролей 4 р.

„РАФЛЬСЪ, ВОРЪ ЛЮБИТЕЛЬ“, ц. 2 р. Комп. рол. 4 р.

„Война“, въ 4 д. Евреикова, ц. 2 р. Компл. ролей 4 р.

„Воръ“ Бернштейна, перекъ Потапенко (м. 4, ж. 2), ц. 2 р. Компл. ролей 4 руб.

„Пасынки жизни“ пьеса въ 4 дѣйств. изъ еврейской жизни. Д. Венаръ, ц. 2 р.

„Братья-Помѣшники“ въ 4 д. Д. Д. Толстого, ц. 2 р. Компл. ролей 4 руб.

„Честный человѣкъ“ (безъ разр.), ц. 2 р. Компл. ролей 4 р.

„Хаосъ“ (безъ разр.), ц. 2 р.

„Г-жа адвокатъ“ к. въ 1 д. Лидиной—Вѣляевой, 60 к.

„Вейгандъ“, въ 4 д., перекъ А. Ремизова, ц. 2 р. (Репер. Александр. театра).

„Въ цѣпяхъ“, въ 3 д. Бріе Мерев. В. Томашевской, ц. 2 руб.

„Его домъ въ порядкѣ“, въ 4 д. А. Пинеро, перекъ О. Н. Половой, ц. 2 руб.

„Чортушка“ въ 4 ж. А. Амфитеатрова. Рук. ценз. ц. 6 р. Компл. ролей 4 руб.

„Богатая мать“ (Профессія М-съ Варренъ), Шау, пер. Вейконе, ц. 2 р.

„ЭЛЕКТРА“, Гофмансталь, перекъ О. Чюминой. Цензурованный экземпляръ 3 руб.

„Сыщикъ Лекко“, въ 5 д., ценз. рукоп. экз. цѣна 6 руб.

„Месть Моріани“, цензур. рукоп. экз. ц. 5 руб.

„Жизнь человѣка“, Д. Андреева, ценз. экз. ц. 3 р. 50 к.

ВЪ КОНТОРЪ „ТЕАТРА И ИСКУССТВА“

ПРОДАЮТСЯ ПЬЕСЫ:

Ф. ВЕДЕКИНДЪ.

„МУЗЫКА“

черкъ современныхъ правовъ въ 4-хъ д.
Переводъ Оскара Норрежского.

(Реперт. „Петербург. театра“ Н. Д. Красова)
(мужск. 5, женск. 6) цѣна 2 р., ценз. 4 р.

„ТАЙНА ДВОЙНИКА“

драма въ 4 д. по роману. Стивенсона пер.
съ англ. М. А. Потапенко.

Рукопис. ценз. 5 р. (простой 3 р.)

„МОЯ РОДИНА“,

пьеса въ 5 д. Л. Л. Толстого.

(Реперт. театровъ Корна и СПБ. Малаго)
ц. 2 р., цензур. 4 руб.

МОСКВА.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ

С. И. ЗИМИНА.

ОПЕРА, СПЕКТАКЛИ ЕЖЕДНЕВНЫЕ.

СОСТАВЪ ТРУППЫ:

Сопрано: г-жи Врунтъ, Германъ, Генгроссъ,
Добровольская, Истомина, Карпантъ, Люце,
Милова, Михайлова, Норская, Петровская, Со-
чевская, Свищкая, Старостина, Цѣткова; Мец-
цо-сопрано: г-жи Гедика, Дзанини, Лебедева,
Леллина, Мышецкая, Петрова-Званцева, Подо-
зова, Ростовцева; Тенора: гг. Волинъ, Дубро-
винъ, Зинovieвъ, Карелинъ, Каренинъ, Кар-
женинъ, Кольцовъ, Пиховъ, Севастьяновъ; Бари-
тоны: гг. Вояровъ, Вѣковъ, Гаринъ, Герский,
Камюнский, Оленинъ, Соловьевъ, Чулуновъ,
Шидловъ; Басы: гг. Волгинъ, Донецъ, Нико-
лаевъ, Осиповъ, Трубинъ, Улухановъ Шапо-
валовъ; Капельмейстеры: Палицынъ, Палице,
Вуко, Златинъ; Зав. худож. част. г. Оленинъ;
Режиссеры: г. Ивановскій; Суфлеръ: г. Го-
воровъ; Концертмейстеры: г. Кошольницкій;
Хормейстеры: гг. Франкетти, Буке; Балет-
мейстеры: г. Франческо-Лунджини; Декор-
аторы: г. Маторинъ.

РЕПЕРТУАРЪ:

Кромѣ оперъ, поставленныхъ въ прошлыхъ
сезонахъ, еще: „Сандрильона“, „Свадьба Фи-
гаро“, „Сказки Гофмана“, „Ночь подъ Рожде-
ство“, „Рип-Рипъ“, „Гасконоцъ“, „Пѣвецъ изъ
Палермо“, „Преддворный дуракъ“, „Финимонъ
и Бланица“, „Царь-Плутникъ“, „Дитя-Власто-
дѣль“, „Сафо“, Труппа М-ше Жоллиеръ,
„Царь Бедоръ Ивановичъ“, „М-ше Бутерфлей“,
„Коллеколь Пустынника“, „Проповѣдникъ“,
„Фигляръ“, „Скоморохъ“, Балеты „Фра-куголь“,
„Въ Вѣтъ“, „Шампанское“, „Императрица“,
„Малехетта“.

ВНИМАНІЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ:

Одноактн. пьесы С. Я. Д. З. (безусл.
разрѣш.), „Одинъ изъ вопросовъ“ (о бра-
кѣ), „Спаси меня“—въ сбор. ч. 1 р. 25 к.
„А все-таки я ему измѣню“—въ сбор.
ч. 75 к.—Новинки сезона: несложн.
обстановки, сценичны, характ. роли, 4—3 д.
лица. Продаются въ Москвѣ—театр. сбл.
Соколовой-Разсохина въ Петерб.—кн. маг.
„Новое Время“.

1—1

„ЖИЗНЬ ПАДШЕЙ“.

(Какъ это бываетъ)

въ 5 д., переводъ Е. М. Бабеева.
Высылается налож. плат. за 2 р. 50 к.
изъ конт. „Театра и Искусства“.

50 к.

1 р.

„Строители жизни“

„Глушь“

пьесы Ф. Н. Фальковского

продаются въ конторѣ журнала „Театръ и
Искусство“ Можно получить дефектные
экземпляры „Строители жизни“, вмѣсто
ролей, по 25 коп. за роль.

СПБ. Театръ Городского Попечительства о народной трезвости.

Театръ Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 4-го Ноября, въ 1 часъ дня: „ЧАРОДѢЙКА“, др.; въ 5 час.: „БѢДА
НЕ ХОДИТЪ ОДНА“, др.; въ 8 час. вечера: „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“, оп.—5-го: „НОВЫЙ
МІРЬ“, оп.—6-го: „ДУБРОВСКИЙ“, оп.—7-го: „ПОКОРЕННАЯ КАЗАНЬ“, обст.
пьеса.—8-го: „САДКО“, оп.—9-го: „ВТОРАЯ ЖЕНА“, др.—10-го: „КАРМЕНЬ“, оп.—
11-го, въ 1 часъ дня: „МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ“, др.; въ 5 час.: „СТРАННОЕ
СТЕЧЕНІЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ“, ком.; въ 8 час. вечера: „РУСАЛКА“, оп.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. (Бывшій Стекланный заводъ).

Въ Воскресенье, 4-го Ноября: „ШЕРЛОКЪ ХОЛМСЪ“, др.—7-го: „ЖИЗНЬ ЗА
ЦАРЯ“, оп.—11-го: „МАЮРША“, др.

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 4-го Ноября открытіе зимняго сезона: „ГОРЕ ОТЪ УМА“, ком.—
5-го: „ПЯКОВАЯ ДАМА“, оп.—6-го: „ЧУДНОЕ ВИДНІЕ“, др.—8-го: „СТАРЫЙ
ЗАКАЛЬ“, др.—9-го: „ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“, оп.—11-го: „РЕВИЗОРЪ“, ком.

Театръ зимній „БУФФЪ“

(Панаевскій театръ) Адмиралтейская наб., 4. Телеф. 19—58. Дирекція П. В. Тумпанова.

РУССКАЯ ОПЕРЕТТА, ком. ОПЕРА, ФЕЕРІЯ И БАЛЕТЪ.

Репертуаръ: „ТОРРВАДОРЪ“, „ВЕСЕЛАЯ
ВДОВА“, „МАКСИМИСТЫ“.

Главные роли исполняютъ: г-жи Бауеръ, Варламова, Гвоздецкая, Рапсова, Шувалова;
гг. Вавичъ, Коржевскій, Кошевскій, Михайловъ, Монаховъ, Токаревскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Гл. режиссеръ: А. А. Бранной.

Гл. капельмейстеръ В. І. Шпацевъ.

ЕКАТЕРИНІНСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Екатерин. кан. 90. Тел. 257—82). Сезонъ 1907—8 гг. Дирекція Н. Г. Сѣверскаго.

Составъ труппы: Г-жи: Риза Нордстремъ, Ф. П. Баронинская, С. Л. Сафтьлова, Е. В.
Лучезарская, Д. И. Гамалей, Е. А. Дальская, О. В. Вестужева, Е. А. Савранская, Н. С. Пер-
селли, Е. М. Роговская, М. Н. Милоская, Е. О. Де-Горъ и др. Гг.: Н. Г. Сѣверскій, В. Я.
Гриховъ, Н. В. Глушинъ, Л. Г. Мираевъ, А. П. Долгинъ, Ю. С. Морфессъ, М. Н. Ворченко,
В. П. Ландрагъ, В. И. Лукашеничъ, М. Т. Дарьялъ, А. В. Ракитинъ, Л. В. Орлицкій, В. И.
Сѣбушкинъ и др.

Гл. Режиссеръ Н. Г. Сѣверскій. Режиссеры И. А. Чистяковъ, Г. В. Пиневскій, Суфлеръ А. А.
Иваненко. Гл. Капельмейстеръ А. К. Паули. Капельмейстеръ Ад. Торнеръ. Балетъ И. А.
Чистякова. Хоръ 40 челов. Оркестръ 32 чел.

ЕЖЕДНЕВНО: „ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА“ (на изнанку), Л. Полтавскаго.

ТЕАТРЪ „НЕВСКІЙ ФАРСЪ“

IV-й СЕЗОНЪ. (Невскій, 56, домъ Гр. Гр. Елисева). ТЕЛЕФОНЪ № 68-86

ВЕСЕЛЫЙ ЖАНРЪ: фарсъ, обзоріе, комедіи, водевилы, шутка
и пр., подъ главнымъ режиссерствомъ В. А. Казанскаго.

Составъ труппы: Е. А. Мосолова, В. Ф. Валентина-Линъ, С. П. Губеръ, М. Г. Сарохтина,
А. В. Ахметова, В. И. Кулабко-Коренная, К. И. Яковлева, С. П. Волгина, В. Н. Зичи, В. Г. Тар-
ская, М. М. Нильская, Ф. И. Забѣла, Мартонъ, Орская, Волховская, Евдокимова, Ли-
ковская, Васильева, Валкина, Линдъ-Грейтъ, Старковская; гг. І. А. Смоляковъ, В. А. Казанскій,
М. И. Разсудовъ, В. Ю. Вадиновъ, В. А. Демуртъ, В. М. Петина, С. В. Юреневъ, П. М. Никола-
евъ, В. М. Майскій, А. П. Ростовцовъ, Суринъ, Курскій, Митинъ, Агрянскій, Ленскій-Сам-
борскій, Липатевъ, Невзоровъ, Брянскій, Геккеръ, Вѣдовъ и мн. др.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Начало въ 8¼ ч. веч.

Касса открыта ежедневно съ 11 ч. у. до 8 ч. веч.

Отвѣтственные режиссеры В. Ю. ВАДИНОВЪ и І. А. СМОЛЯКОВЪ. Режиссеръ Л. А.
ЛЕОНТЬЕВЪ. Суфлеръ М. Г. СКВОЗНИКОВЪ. Художникъ-декораторъ М. Г. ВУТОВЪ.

Вышелъ и разсылается № 2-й
журнала: 1—1

„ПЬЕСЫ И РОЛИ“.

Театральный вѣстникъ книгоиздательства
библіотеки С. Ф. Разсохина. 24 №№ въ годъ.
Подписная цѣна съ 1 Октября 1907 г. по 1
Октября 1908 г. съ доставкою и пересылкою
2 руб. № 1-й или 2-й (по желанію) выси-
ляется, для ознакомленія, безплатно. Москва,
театральная библіотека С. Ф. Разсохина.

„ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕАТРЪ“

(Бывшій НЕМЕТТИ). Сезонъ 1907—8 года.

ЕЖЕДНЕВНО: „Черные воро-
ны“, В. Протопопова.

Цѣны мѣстамъ отъ 3 р. 50 к. до 40 к. Разъ въ не-
дѣлю общедоступные спектакли, каждое опредѣ-
ленное номероваиое мѣсто по 60 к. Периоди-
чески—спектакли по возвышеннымъ цѣнамъ
отъ 1 р. и выше.

Начало вечернихъ спектаклей ровно въ 8 ча-
совъ, утреннихъ въ 1 часъ дня.
Касса театра открывается отъ 12 ч. д. до 1 ч. в.
Дирекція Н. Д. Красова.

Петербургская театральная библіотека
В. К. Травскаго.

(Театр. площ. 6, Т. 243—01).

Продажа и прокатъ нощ.
ОПЕРЫ И ОПЕРЕТКИ.

Весь новый и старый репертуаръ.

Словарь сценическихъ дѣятелей

(выпуски за прежніе годы) высылается

за 2 р. съ пересылкой.

С.-Петербургъ, 4-го ноября 1907 года.

Ниже мы печатаемъ присланный намъ изъ Саратова листокъ, „раздаваемый на улицахъ“, согласно сообщенію, съ телеграммой, подписанный епископомъ Гермогеномъ, главою саратовскихъ истинно-русскихъ людей. Епископъ Гермогенъ достаточно съ этой стороны извѣстенъ Россіи и въ словахъ его нѣтъ ничего неожиданнаго. Если что-либо поражаетъ новизною, такъ развѣ открытое публичное шельмованіе актеровъ трехъ саратовскихъ театровъ, которыхъ епископъ называетъ „черными воронами“, „безнравственными людьми“ и т. п. Корреспондентъ нашъ, отмѣчая другіе эпитеты, пишетъ между прочимъ: „почему-то называетъ актеровъ евреями, бывшими русскими людьми, могу удостовѣрить, что въ труппѣ (случайно) нѣтъ евреевъ; нѣтъ и бывшихъ русскихъ людей, а есть культурные, развитые люди, которые прекрасно сознаютъ, какую они приносятъ пользу, бичуя со сцены въ сатирѣ пороки. На сценѣ не употребляются церковныя свѣчи, а самыя обыкновенныя, стеариновыя, не произносятся молитвы, а поется русская пѣсня „Мы невѣсту къ вѣнцу снаряжали“.

И безъ свидѣтельства корреспондента, этому нельзя не вѣрить, такъ какъ полицейскій надзоръ у насъ достаточно строгъ, а актеры наши—фактъ общеизвѣстный—люди большею частью религіозные. Мнѣніе епископа Гермогена такъ и осталось бы его мнѣніемъ, а листокъ, распространяемый на улицахъ, однимъ изъ множества подобныхъ, если бы, однако, не „эффектъ“ листка. Дѣло въ томъ, что „Черные вороны“, шедшіе въ *трехъ* саратовскихъ театрахъ, а въ Очкинскомъ прошедшіе уже 12 разъ (очевидно, болѣе чѣмъ достаточный опытъ для того, чтобы убѣдиться въ отсутствіи какихъ-либо нарушеній благочинія), сняты съ репертуара по распоряженію администраціи. Быть можетъ, та же участь ждетъ „Пробужденіе весны“. Одновременно „Черные вороны“ сняты въ Вильнѣ и въ Харьковѣ. Сняты въ Тулѣ „Братья помѣщики“ и др.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, несомнѣнно странномъ явленіи, что администрація, очевидно, совершенно не считаетъ себя связанной дѣйствіями и распоряженіями центрального правительства, разсматривая скрѣпу цензурнаго вѣдомства (увы, едва ли заслуживающаго упрека въ снисходительности и слабости), какъ мнѣніе „свѣдущихъ людей“, а не какъ законное постановленіе власти. Объ этомъ мы уже достаточно говорили. Въ общей картинѣ фактической децентрализаціи власти пренебреженіе къ казенной печати драматической цензуры, безъ сомнѣнія, составляетъ штрихъ, характерный и живописный. Мы напомнимъ лишь читателямъ, что существованіе якобы „фантастической“ секты іоаннитовъ удостовѣрено многими документами, и что авторъ „Черныхъ вороновъ“, В. В. Протопоповъ, будучи достаточно предусмотрительнымъ, помѣстилъ въ изданіи пьесы официальное письмо извѣстнаго миссіонера Н. И. Булгакова. Послѣдній говоритъ о „мрачной сектѣ, дѣйствующей якобы надъ покровомъ религіи“, о „мошенникахъ сектантахъ“, прибѣгающихъ къ „сознательно-наглому религіозному обману“, и желая отъ души пьесѣ сценическаго успѣха, замѣчаетъ въ заключеніи: „Гусева, Семень, Варвара и К° боятся, какъ огня, честнаго и откровеннаго печатнаго слова“. Официальный бланкъ этого письма имѣетъ буквы „В. П. И.“, т. е. вѣдомство православнаго исповѣ-

данія, но если губернская администрація считаетъ цензурную печать не болѣе, какъ записью эксперта, то, разумѣется, и официальные бланки вѣдомства православнаго исповѣданія не имѣютъ значенія. Такъ, штрихъ за штрихомъ, слагается картина современности.

Въ полученномъ на дняхъ здѣсь номерѣ большой парижской театральн. газеты „Comœdia“ въ корреспонденціи изъ Петербурга напечатаны слѣдующія удивительныя строки относительно сценической судьбы „Черныхъ вороновъ“: „Интересно отмѣтить, что когда авторъ предложилъ свою пьесу дирекціи Малаго театра, то послѣдняя энергически отказалась ставить пьесу, страшась репрессалій со стороны этихъ опасныхъ шарлатановъ“ („redoutant les repressailles de ces dangereux charlatans“). Мы склонны, впрочемъ, отнести эти строки къ обычнымъ преувеличеніямъ и „гасконадамъ“ галльской фантазіи.

О Театральномъ Обществѣ, Союзѣ и другихъ вопросахъ.

III.

Мнѣ приходится на время оставить теоретическія разсужденія объ организаціи сценическихъ дѣятелей, и перейти къ животрепещущимъ и злободневнымъ вопросамъ.

А. Е. Молчановъ подалъ въ отставку. Въ статьѣ С. А. Свѣтлова эта отставка комментируется довольно подробно. С. А. Свѣтловъ предполагаетъ, что А. Е. Молчановъ не можетъ согласиться „психологически“ на нѣкоторыя измѣненія устава, между прочимъ на замѣну назначеннаго вице-президента утвержденнымъ по сроку избранія. Едва ли это такъ.

Въ концѣ 1905 г., по приглашенію А. Е. Молчанова, состоялось соединенное засѣданіе Совѣта и ревизіонной комиссіи (не помню въ точности, было оно официальное или нѣтъ), на которомъ А. Е. Молчановъ самъ заявилъ, что считаетъ болѣе удобнымъ порядокъ избранія, и даже предлагалъ подать въ отставку съ тѣмъ, чтобы быть переизбраннымъ. Почти всѣ были противъ этого и указывали, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, что измѣненія въ уставѣ, конечно, желательны, но измѣненія эти не стоятъ ни въ какой связи съ личностью А. Е. Молчанова, и что, вообще, въ такое тревожное время не къ чему поднимать тревожные вопросы. Такимъ образомъ, принципъ избранія председателя Совѣта не имѣлъ въ лицѣ А. Е. Молчанова противника. Затѣмъ о ходѣ работъ комиссіи (избранной, кстати, согласно желанію А. Е. Молчанова) почтенному вице-президенту было извѣстно, во-первыхъ, потому, что онъ и самъ принималъ участіе въ ея работахъ, а во-вторыхъ, потому, что управляющій канцеляріею К. К. Витарскій, докладывавшій по дѣламъ службы А. Е. Молчанову о ходѣ работъ, былъ членомъ комиссіи. И наконецъ, третье, и самое важное—проектъ комиссіи былъ заслушанъ въ соединенномъ засѣданіи комиссіи и совѣта, и со стороны послѣдняго замѣчаній въ вышеуказанномъ смыслѣ не вызвалъ. Правда, А. Е. Молчановъ, по болѣзни, въ этомъ засѣданіи не присутствовалъ. Но я не могу допустить предположенія, чтобы совѣтъ былъ самъ по себѣ, а А. Е. Молчановъ—самъ по себѣ. Подобное предположеніе было бы оскорбительно для совѣта, пока-

завъ, что совѣтъ Театрального Общества есть только декоративное украшеніе при должности вице-президента.

Не смотря на прозрачныя намеки нѣкоторыхъ газетъ, я рѣшительно отвергаю предположеніе, чтобы А. Е. Молчановъ подалъ въ отставку по такимъ соображеніямъ, не попытавшись сдѣлать соответствующее изложеніе своихъ взглядовъ ни комисіи, ни совѣту. Я думаю, что на рѣшеніе А. Е. Молчанова повліяла цѣлая совокупность обстоятельствъ. Во-первыхъ, А. Е. Молчановъ, дѣйствительно, сталъ часто прихварывать, во-вторыхъ, точно, нѣтъ никакой сладости руководить Театральнымъ Обществомъ въ настоящее время, при равнодушномъ отношеніи однихъ, враждебномъ—другихъ, пренебрежительномъ—третьихъ. Наконецъ, къ этому слѣдуетъ прибавить и крайне запутанные финансы Театрального Общества.

На-дняхъ въ московскихъ газетахъ я прочелъ объявленіе съ дирекціи Литературно-артистическаго кружка, созывавшее членовъ на общее собраніе для обсужденія вопроса о выдачѣ Обществу ссуды въ 23.000 руб. Я не знаю чѣмъ кончилось это собраніе. Но чѣмъ бы оно ни кончилось—легко ли дѣло протягивать руку за помощью! Когда къ этому источнику обращались мы съ В. П. Далматовымъ—мы просили подарить на зубокъ... Это совсѣмъ не то, что обращаться за помощью богатому, могущественному учрежденію. Не лишне замѣтить, что о проектѣ такого займа ничего не было сообщено общему собранію, вопреки требованію устава. Очевидно, приходилось, во избѣжаніе огласки, дѣйствовать втихомолку. И это, конечно, для самолюбія очень тяжело...

Все-таки не надо терять надежду. Я думаю, что отставка А. Е. Молчанова не состоится и почтенный вице-президентъ будетъ продолжать вице-президентствовать. Удобно-ли въ самомъ дѣлѣ капитану покидать корабль, потерпѣвшій аварію? Мнѣ думается, что отдавъ такъ много силъ Театральному Обществу, А. Е. Молчановъ постарается сначала поставить его дальнѣйшее существованіе въ твердыя рамки устава, чего нынче нѣтъ, и безъ чего невозможно учрежденіе кассы взаимопомощи, и только затѣмъ отойдетъ отъ дѣла, если таково его неизмѣнное рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, очень жаль, если не удастся примирить настоятельную необходимость органической реформы Общества съ такимъ популярнымъ и заслуженнымъ дѣятелемъ, какъ А. Е. Молчановъ.

Теперь—о Союзѣ сценическихъ дѣятелей. Я получилъ новый "выпускъ" литературы, печатающейся подъ фирмою "Всероссійскаго Союза сценическихъ дѣятелей". Этотъ новый выпускъ занимается главнымъ образомъ изобличеніемъ "Театра и Искусства" въ пристрастномъ отношеніи къ Союзу.

Въ исторіи общественныхъ учрежденій такая полемика съ частнымъ органомъ—явленіе, до извѣстной степени, небывалое. Журналъ обвиняется въ "искусственной группировкѣ" матеріала. Хорошо еще, что не въ группировкѣ членовъ, оставившихъ Союзъ. Члены, писавшіе письма, группировались сами. Но въ такомъ случаѣ, что же, не печатайте ихъ писемъ? Потому, что они "дискредитируютъ" правленіе? Это было бы безпристрастно? Я дошелъ въ своемъ безпристрастіи до того, что напечаталъ грубое "разъясненіе" правленія. Я печаталъ статьи и письма г. Панина, члена наблюдательнаго комитета г. Залѣсова... Можетъ быть, всѣ эти статьи и письма не очень убѣдительны, но редакция тутъ не приче-
Журналъ дѣйствительно занялъ опредѣленное по-

ложеніе относительно Союза съ того момента, какъ выяснялось, что Союзъ сталъ на ложную дорогу и промѣнялъ серьезныхъ предгасителей сценическаго міра на крикуновъ. Этого я и не скрываю. Еще болѣе опредѣлилось отношеніе журнала, когда оказалось, что "съѣздъ уполномоченныхъ" состоялъ изъ уполномоченныхъ двухъ подмосковныхъ дачныхъ отдѣловъ и одного уполномоченнаго не то отъ Торжка, не то отъ Ржева. Послѣ этого "съѣзда" всѣмъ стало очевидно, что толку никакого не будетъ, а будетъ толченіе воды для саморекламы и шумъ. Злорадства въ эгомъ не было, а была глубокая скорбь за даромъ потраченные мною 10 лѣтъ жизни.

Ну, вотъ, на примѣръ, исторія, о которой ниже повѣствуетъ А. Н. Кремлевъ. Развѣ это не безобразіе? Звать къ "суду" человека за то, что онъ, допустимъ, даже черезъ чуръ громко возмущался непорядками? И это "общественное учрежденіе"! Это уваженіе къ свободѣ слова! Извините, это аракеевщина! Послѣ этого, какой же членъ Союза станетъ выражать негодованіе, если что-либо, достойное негодованія, встрѣтитъ въ дѣятельности правленія? Еще—скажетъ—къ суду привлекутъ, да ну ихъ совсѣмъ! Во времена оны "Театръ и Искусство" терпѣлъ отъ разныхъ закулисныхъ цензурныхъ давленій изъ-за борьбы, которую велъ съ Театральнымъ Обществомъ и которую и сейчасъ не считаетъ конченною. А теперь, пожалуй, меня привлекутъ къ "суду чести" за то, что мнѣ не очень нравится г. Ждановъ. Правда, мнѣ скажутъ: а вы его привлекайте! Да я совсѣмъ не желаю ни привлекаеть, ни привлекаеться, и вообще, не люблю никакихъ скандаловъ. Скандалы нужны тѣмъ, которымъ нечѣмъ больше прославиться...

Да вотъ я недавно получилъ отъ правленія "официальный" запросъ, куда я дѣвалъ "кажется свыше 50 руб.", данные мнѣ нѣкимъ Б., и не соглашусь ли де я эти деньги внести въ кассу Союза. Думалъ я, думалъ, что отвѣтить... Не отвѣтить—въ слѣдующемъ литературномъ выпускѣ скажутъ: укралъ и молчить; отвѣтить—ну, неловко просто отвѣчать на такой вопросъ. Рѣшилъ написать частное письмо М. Э. Мондшейнъ. Говорятъ, она очень почтенная женщина, только слушается не очень почтенныхъ людей. Написалъ: г. Б. не знаю, денегъ отъ него никакихъ не поступало, такъ что вы его уже лучше спросите, что за деньги, и какъ онъ ими распорядился...

Ну, скажите, развѣ все это серьезно? Кто же васъ "дискредитируетъ"? Не сами ли вы себя дискредитируете? Извѣстно, на примѣръ, что г. Ждановъ хотѣлъ издавать "органъ" Союза, и такъ какъ "съѣздъ" уполномоченныхъ на это не согласился, то онъ затѣялъ самъ что-то въ этомъ родѣ, причемъ общаетъ премію такую "тяжелую" (см. объявленіе о подпискѣ) что не то нуженъ извозчикъ, чтобы ее отвезти, не то 50 коп. за пересылку. И вотъ, казалось бы, простой тактъ долженъ былъ подсказать правленію воздержаться отъ печатанія за счетъ Союза и отъ его имени запальчивыхъ, полемическихъ статей секретаря г. Жданова противъ журнала "Театръ и Искусство", а вѣдь у правленія и на это соображенія не хватило...

Такъ кто же васъ дискредитируетъ? Вотъ вы, дѣйствительно, стремитесь дискредитировать "Театръ и Искусство", которому идея Союза обязана своимъ существованіемъ. И въ этомъ отношеніи не похвальномъ стремленіи пишете въ официальной вашей литературѣ "журналъ и его присные". Кто же эти "присные"? Любопытно!

Въ "Нов. Врем." намекаютъ на то, что А. Е. Молчановъ уходитъ вслѣдствіе "несогласія съ но-

выми теченіями". Я уже объяснял, что не вѣрю этому. Но все-таки: съ одной стороны—присный, а съ другой—чуть не винсвикъ въ нѣкоторомъ родѣ государственнаго переворота.

Ахъ, господа, господа!..

А. Кугель.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— П. Д. Боборыкинъ написалъ пьесу подъ заглавіемъ „Кто виновать“.

— По сообщенію газетъ, по министерству Императорскаго двора послѣдовало распоряженіе о безусловномъ воспрещеніи артистамъ Императорскихъ театровъ принимать участіе въ теченіе сезона въ различныхъ благотворительныхъ вечерахъ.

Вотъ бы въ такой категорической формѣ запретить казеннымъ артистамъ, выступающимъ то и дѣло подъ разными псевдонимами за деньги въ клубахъ, отбивать хлѣбъ у частныхъ артистовъ!.. А за запрещеніе выступать въ благотворительныхъ вечерахъ, кромѣ спасибо, отъ казенныхъ артистовъ ничего не услышишь...

— Директоръ Императорскихъ театровъ Теляковский сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ торжественные спектакли въ пѣний гимна принимали участіе всѣ безъ исключенія артисты и артистки. Уклоняющіеся будутъ подвергаться штрафу до 1/60 годового жалованья.

— Въ Маломъ театрѣ вскорѣ пойдетъ оригинальная новинка „Такая женщина“, драм. парадоксъ въ 1-мъ д. Н. Евреинова. Въ заглавной роли выступитъ Е. Н. Рощина-Исарова.

— На-дняхъ состоится судъ чести между артистами Малаго театра. гг. Баратовымъ и Глаголинымъ, поссорившимся во время спектакля. Судьями приглашены гг. Маргуліесъ, Далматовъ, Красовъ.

— „Король“ Юшкевича отложенъ постановкой на Александринской сценѣ на неопредѣленное время. Пьеса была совершенно готова, но товарищъ министра императорскаго двора, князь Оболенскій, присутствовавшій на генеральной репетиціи, нашелъ, что ранѣе открытія Государственной Думы пьеса не должна идти. Генеральная репетиція „Короля“, происходила въ буквальномъ смыслѣ „при закрытыхъ дверяхъ“. Зрительный залъ былъ закрытъ даже для своихъ актеровъ, что является безпримѣрнымъ фактомъ въ лѣтописяхъ Александринскаго театра.

На репетиціи присутствовали всѣ чины цензурнаго вѣдомства, во главѣ съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, г. Вельгардомъ.

Теперь репетируютъ „Хорошенькую“ С. А. Найденова.

— Учебныя заведенія получили увѣдомленіе отъ дирекціи Императорскихъ театровъ, что съ 25-го ноября по апрѣль въ Александринскомъ театрѣ по воскреснымъ днямъ будутъ проходить утренние спектакли для учащейся молодежи. Спектакли будутъ раздѣлены на два абонементы, по четыре представленія въ каждомъ. Въ первый абонементъ войдутъ: „Царь Θεодоръ Іоановичъ“, „Ревизоръ“, „Тартюфъ“, „Антигона“, второй абонементъ: „Царь Θεодоръ Іоановичъ“, „Единственный наслѣдникъ“, „Ревизоръ“.

— Прощальный бенефисъ артистки балетной труппы М. М. Петиа состоится въ воскресенье, 11 ноября.

— Товарищество драматическихъ артистовъ, такъ удачно начавшее спектакли въ „Новомъ театрѣ“, вынуждено, за неимѣніемъ средствъ, временно приостановить спектакли. На кругъ взято 300 руб., а для покрытія только расходовъ нужно было брать 400 руб. Долгу за товариществомъ накопилось около 6½ тысячъ рублей. Теперь, когда какъ-будто счастье имъ улыбнулось—дали свои пьесы гг. Шоломъ Ашъ и Чириковъ, общалъ дать новую пьесу г. Найденова—особенно тяжело прекратить дѣло. Надо думать, что въ концѣ-концовъ удастся товариществу найти нужные имъ для продолженія дѣла 5000 р. и симпатичное дѣло возобновится. Товарищество играло 1½ мѣс. Все это время товарищи работали, такимъ образомъ, не получая ни единой копейки.

— Крахъ оперной антрепризы. Антрепренеръ оперы въ залѣ консерваторіи г. Дракули отказался продолжать это предпріятіе. Артисты, очутившись на мели, рѣшили продолжать дѣло на паевыхъ началахъ и составили оперное товарищество.

— Пьеса г. Гейера „Въ сумеркахъ разсвѣта“ принята въ театръ Корша.

— „Дѣльцы“ ищутъ въ концѣ будущей недѣли въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества подъ новымъ названіемъ—„Смерчъ“. Почему „Смерчъ“ лучше „Дѣльцовъ“—это, очевидно, тайна послѣдняго авторскаго наитія.

— Въ труппѣ Н. Д. Красова приступили къ репетиціямъ новой оригинальной пьесы В. И. Томашевской „Старый другъ“.

— 1-го ноября было совершенно освященіе коваго театра полечительства о народной трезвости, выстроеннаго въ концѣ В. проспекта Вас. острова. Театральное зданіе выстроено просто, но съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ условій техники.

* * *

Московскія вѣсти.

— Въ театрѣ Корша прошла уже знакомая петербургцамъ по прошлогоднему сезону Малаго театра пьеса „Честный человѣкъ“ Лемана, въ перев. г. Ярсона.

Газеты отмѣчаютъ успѣхъ пьесы. Новинка послѣдней пятницы „Богъ мести“.

— Московская консерваторія, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, получила увѣдомленіе, что въ текущемъ учебномъ году, никто изъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, выдержавшихъ вступительный экзаменъ, въ консерваторію не можетъ быть принятъ. Отказано даже тѣмъ лицамъ, которые, по отзыву консерваторіи, признаны обладающими выдающимися способностями.

— Г. Озеровъ, въ виду разныхъ неурядицъ по отдѣлкѣ театра „Аквариумъ“, намѣренъ отказаться отъ антрепризы; труппѣ, приглашенной для ибеновскаго репертуара по нотаціальному договору онъ платитъ мѣсячную неустойку. Претендентомъ на этотъ театръ явился антрепренеръ г. Черепановъ, который будетъ давать до конца сезона драматическіе спектакли по общедоступнымъ цѣнамъ.

— Послѣ краха антрепризы г-жи Сытовой опереточная труппа театра „Буффъ“ намѣревается продолжать дѣло на товарищескихъ началахъ. Въ составъ товарищества вошли всѣ первыя силы труппы.

— Здоровье артиста Императорскихъ театровъ г. Гончарова находится все въ томъ же положеніи, хотя врачи высказываютъ надежды на возможность улучшенія.

* * *

21 октября въ Народномъ домѣ графини Паниной возобновились спектакли подъ режиссерствомъ П. П. Гайдебурова, создателя перваго передвижнаго театра. Только что вернувшись изъ продолжительной поѣздки по Россіи (60-ти городовъ), передвижники поставили одну изъ лучшихъ пьес своего репертуара „Надъ пучиной“ (Море и люди) Энгеля, въ прекрасномъ переводѣ З. Венгеровой.

Пьеса эта почему-то мало извѣстна въ Петербургѣ, а между тѣмъ она вполне заслуживаетъ вниманія. Глубокой драматизмъ положенія, яркая и вмѣстѣ съ тѣмъ—простая психологія характеровъ, симпатичная, общедоступная тенденція—дѣлаютъ произведеніе Энгеля цѣннымъ приобрѣтеніемъ для каждаго театра вообще и для народнаго въ особенности. Дѣйствіе почти все время идетъ подъ ревъ бури и шумъ дождя—кстати, чрезвычайно жизненно и любовно поставлено: какъ хороша напр. декорация послѣдняго акта—вышка приходской церкви! Декорации эти составляютъ „передвижную“ собственность труппы, совершившую съ ними послѣднюю поѣздку.

Главная женская роль была превосходно исполнена г-жею Скарской. Дикая грація Стины, рѣзкіе переходы ея душевныхъ движеній, ея мучительная борьба съ догматизмомъ пастора Гольма—и наконецъ ея полное нравственное просвѣтленіе—все это было замѣчательно тонко и вдумчиво передано артисткой. Минутами она достигала истиннаго вдохновенія и захватывала весь залъ. Тепло сыгралъ г. Гайдебуровъ стараго пастора Зиверта, исполненнаго пониманія и всепрощенія къ людскимъ слабостямъ—включая сюда и свои собственные. Г. Таировъ нѣсколько молодъ для отвѣтственной роли Гольма, хотя третій актъ былъ проведенъ имъ очень искренно.

Пьеса вызвала шумный восторгъ многочисленной публики, почти сплошь состоящей изъ чисто народнаго элемента. Лиговскій общедоступный театръ существуетъ уже пятый сезонъ. Отъ души пожелаемъ успѣха этому симпатичному предпріятію, надъ которымъ вѣетъ духъ истинной солидарности и истинной любви къ дѣлу.

З. Б.

* * *

Маринскій театръ. Балетъ. Переутомивъ балетомановъ постановками старыхъ и подчасъ надоевшихъ балетовъ, дирекція рѣшила внести нѣкоторое освѣженіе въ репертуаръ и показала новый балетъ сочиненія извѣстнаго балетриста В. Я. Свѣтлова „Принцъ-садовникъ“, передѣланный изъ сказки Лидерина „Свинопасъ“. Балетъ былъ написанъ первоначально для экзаменационнаго спектакля воспитанниковъ театральнаго училища и, пожалуй, это отразилось на его сюжетѣ, который, какъ будто рассчитанъ на балетомановъ младшаго возраста и балетомановъ, уже впавшихъ въ дѣтство. Превращеніе либреттистомъ свинопаса въ садовника было сдѣлано по соображеніямъ балетной деликатности.

Музыка для балета написана А. А. Давыдовым, автором оперы „Потонувшій колоколь“; сложная партитура наполнена мелодиями, отличается отдаленностью и закругленностью музыкальных форм и довольно красивой инструментальной. Особенно мелодичны *valse lente*, *farandole*, полонезъ и пѣсня соловья, очень удачны вариация двухъ арфъ и соло на виолончели.

Отъ постановки балета г-жи Куличевской слишкомъ большихъ эффектовъ не ожидалось, но она вполне удовлетворительна. Интересны группы, нарядно поставлены вальсы съ фонарями, но въ вариацияхъ отсутствуетъ изобразительность, кордебалетъ не безучастенъ, а принимаетъ живое участіе въ ходѣ дѣйствія. Хореографическая инсценировка самого сюжета выполнена довольно неясно, а потому для уясненія его непосвященными нужна сверхъ-догадливость.

Героємъ спектакля былъ молодой танцовщикъ г. Нижинскій, сразу сдѣлавшійся любимцемъ публики. Г. Нижинскій обладаетъ поразительными баллономъ и элевацией, пріятной внѣшностью, мягкими движеніями, безъ всякой рѣзкости, которая часто присуща сильнымъ танцовщикамъ. Балерины могутъ на него обижаться на то, что онъ своимъ успѣхомъ привлекаетъ къ себѣ исключительное вниманіе.

Великолѣпно танцевала г-жа Кшессинская, особенно въ вѣдшемъ въ тотъ же день балетѣ „Тщетная предосторожность“ и понравились г-жи Карсавина, Якшты и Виль.

Въ кордебалетѣ рдовали своей миловидностью г-жи Касаткина, Варашъ, Васильева, Конечкая, Домершикова, Эдуардова и Сѣрышинская.

* * *

Тенишевское училище. Концертъ г-жи Мальвины Вагнеръ-Грюнбергъ. У насъ очень мало знаютъ латышскую народную музыку. По этому концертъ г-жи Грюнбергъ, посвященный въ большей части своей программы произведеніямъ латышскаго народнаго творчества, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Национальная музыка латышей находится еще въ первоначальной стадіи развитія. Кромѣ пѣсенъ и другихъ мелкихъ, вокальныхъ произведеній, носящихъ чисто-народный колоритъ, латышскіе композиторы въ области вокальной музыки почти ничего не создали. Зато эта область творчества достигла значительныхъ размѣровъ. Въ настоящее время, по подсчету, имѣется свыше ста тысячъ латышскихъ пѣсенъ, почерпнутыхъ изъ народной жизни и обработанныхъ лучшими композиторами. Основаніе народной пѣснѣ у латышей положилъ знаменитый Андре Юрьянъ, своего рода, латышскій Глинка. Его послѣдователемъ является теперь профессоръ Ватоль. Обработка народныхъ мотивовъ и аккомпаниментъ, нѣписанный имъ для пѣсенъ, носятъ печать таланта и свидѣтельствуютъ о горячей любви къ творчеству родного народа. Г-жа Грюнбергъ тоже показала себя, какъ дочь своего народа. Обладая большимъ, красиво поставленнымъ голосомъ (высокое меццо-сопрано), дающимъ ей возможность хорошо справиться съ какой угодно тесситурой, она однако, чувствуетъ себя вполне дома лишь въ своей родной музыкѣ. Спѣтя ея вещи Рубинштейна, Чайковского, Шуберта и Штрауса не произвели того впечатлѣнія, какое произвели латышскія пѣсни Дарзиня, Витоля, Каллыня Юрьяна. Эти пѣсни, особенно „Колыбельную“ Витоля и его же „Скройся солнце“, Грюнбергъ исполняетъ съ рѣдкимъ мастерствомъ. Кромѣ того, виденъ настоящій подъемъ и неподдѣльное увлеченіе родными мотивами. Особенно понравилась „Колыбельная“. По окончаніи концерта, пѣвицу заставили повторить этотъ номеръ, послѣ чего удостоили долго несмолкаемыми аплодисментами. Аккомпанировалъ проф. Витоль. Рояль оказался пресквернымъ и выводилъ весь вечеръ изъ терпѣнія бѣднаго аккомпаниатора. Не мѣшало-бы администраціи Тенишевскаго училища обязаться болѣе приличнымъ инструментомъ.

* * *

Малый театр. Последнею новинкой Малаго театра оказалась очень скучная пѣса г. Шпажинскаго „Сфинксъ“; поставленная, вѣроятно, исключительно въ виду уваженія къ „литературнымъ сдѣлкамъ“ автора. Прежнія произведенія г. Шпажинскаго, какъ напр., пресловутыя „Маіорша“ „Чародѣйка“ имѣли въ свое время успѣхъ. Отъ драматурга тогда не требовалось ни острой, тонкой психологіи, ни отвѣта на тысячу болѣзненно назрѣвшихъ, „проклятыхъ вопросовъ“ современности, ни той или другой „стилизации“. Занимательная завязка, нѣсколько благодарныхъ ролей, знаніе сценическихъ эффектовъ—и зритель удовлетворенъ. Но въ настоящіе дни, когда жизнь безконечно осложнилась и ушла впередъ—пѣсы, подобныя „Сфинксу“—вызываютъ только улыбку недомѣнія. Посудите сами: кому изъ насъ интересно знать, что сестра жены г. Сосновскаго влюблена въ него, въ чемъ ему и признается передъ своей quasi смертю?.. Что она умираетъ цѣлый актъ, все таки не умираетъ, а уѣзжаетъ въ Ялту, гдѣ встрѣчается съ богатымъ купцомъ, за котораго выходитъ замужъ, дабы излѣчиться отъ своей незаконной страсти?.. Что затѣмъ, добросовѣстно почувствовавъ и прогворивъ все, что

полагается въ „дррамахъ“ такого сорта — она неожиданно, но весьма эффектно, умираетъ?.. И что, наконецъ, почтенному автору захотѣлось найти эту скучнѣйшую любовную канитель чрезвычайно глубокой и озаглавить ее „Сфинксомъ“?.. Здѣсь нѣтъ даже прежнихъ достоинствъ г. Шпажинскаго, а именно яркости быта, благодарныхъ ролей и занимательной фабулы.

Артисты отнеслись очень почтительно къ литературному имени автора и самоотверженно спасли „Сфинкса“ отъ провала. Г-жа Рощина-Инсарова—трогательная и изящная Елена, Сестру ея, жену Сосновскаго, просто сыграла г-жа Троянова. Г. Баратовъ старательно провелъ невозможно ходуную роль Сосновскаго. Въ такой же роли купчика г. Блюменталь-Тамаринъ еще разъ обнаружилъ все разнообразіе своего дарованія. Очень типиченъ г. Хворостовъ—старый ловеласъ и мила, хотя слегка шаржируетъ, г-жа Кондратьева, приживалка Сосновскихъ.

Поставленъ „Сфинксъ“ очень тщательно и красиво. Исполнителей и автора вызывали.

З. Б.

* * *

Екатерининскій театр. Г. Полтавскому пришла счастливая мысль написать пародію на „Жизнь человѣка“ Л. Андреева. Тема дѣйствительно благодарная. Но использована она не совсемъ удачно. Взявъ лейтъ-мотивомъ знаменитую польку, исполняемую на балу у Человѣка, г. Полтавскій очень остроумно и искусно вводитъ всюду мотивъ польки. Въ музыкѣ замѣтно, правда, большое „вліяніе“ извѣстныхъ авторитетовъ, но тѣмъ не менѣе скомпанована она прекрасно, чувствуется настоящий юморъ. Самые удачные номера—это вальсъ „пышно“, дуэтъ Человѣка и его жены, полонезъ и др.

Либретто же составлено неудачно. Здѣсь авторъ отдалъ дань опереточному шаблону, нѣсколько отдалившись отъ темы. И ошибся.

Специфически опереточное именно неинтересно. Сцена съ „мамасей“, сцена въ кафешантанѣ—все это совершенно излишне. Остроумная и, едва-ли не самая удачная, сцена—появленіе судомоекъ. Поставлена оперетка очень хорошо, хоръ „выстилизованъ“ настоящимъ образомъ. Прекрасно, выдержанно играла жену Человѣка г-жа Свѣтлова. Хорошъ г. Морфесси—Человѣкъ. Забавенъ г. Долинъ—сынъ Человѣка, неурна г-жа Гамалѣй—Нѣкто въ сѣромъ. Очень хорошъ въ сценѣ „Рожденіе Человѣка“ г. Грѣховъ, которому фантазія автора поручила роль роженницы.

Въ дивертисиментѣ, устроенномъ въ сценѣ кафешантана, прекрасно пѣли г. Сѣверскій и г-жа Риза Нордстремъ.

О. К.

Письмо въ редакцію.

М. г. Покорнѣйше прошу напечатать въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ мое письмо.

Въ одномъ изъ №№ „Театръ и Искусство“ было напечатано письмо распорядителя труппы г. Ярошенко, въ которомъ онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я бросилъ труппу, уѣхалъ чуть ли не воровскимъ образомъ и т. д.

Все это немножко не такъ, какъ расписываетъ г. Ярошенко. Я скончилъ съ труппой г. Глазуненко еще въ началѣ юня, и г. Ярошенко объ этомъ зналъ, мы вмѣстѣ съ г. Ярошенко на почтѣ получали отъ г. Глазуненко деньги для меня. Дирижеръ у г. Ярошенко на зиму былъ. Объ этомъ онъ мнѣ самъ сказалъ. Какъ актеръ, ущерба спектаклю я не нанесъ, такъ какъ уѣхалъ за два дня до спектакля, въ которомъ я былъ занятъ, и за это время г. Ярошенко двадцать разъ могъ замѣнить меня другимъ актеромъ. Вообще, какъ актеръ, г. Ярошенко я былъ не нуженъ.

Не моя вина, что черезъ нѣсколько дней послѣ меня уѣхалъ и дирижеръ, который служилъ у него лѣто. Не моя вина, что кромѣ дирижера и еще нѣсколько лицъ уѣхало изъ труппы. Если бы я и остался на зиму у г. Ярошенко, то для этого мнѣ пришлось бы возвратить деньги, взятыя у г. Глазуненко, чего я не могъ бы сдѣлать, такъ какъ никто бы мнѣ этихъ денегъ впередъ не далъ. И вотъ я, считая себя болѣе нужнымъ въ труппѣ г. Глазуненко, уѣхалъ въ Севастополь. Что же касается того, что я уѣхалъ не заявивши объ этомъ никому, то пусть г. Ярошенко припомнитъ, когда онъ также, не сказавъ мнѣ ни слѣва, оставилъ меня въ Варшавѣ на Пасху 1906 г. безъ всякихъ средствъ. Вѣроятно онъ себя виноватымъ не считаетъ, ибо „хозяинъ“ никогда виноватымъ не бываетъ.

Пр. и пр. Дирижеръ Вас. Вас. Никитинъ.

† А. М. Шмидтгофъ.

† А. М. Шмидтгофъ. Въ воскресенье, 28-го октября, въ Крошштадтѣ, за полчаса до спектакля въ Коммерческомъ собраніи, скончался отъ разрыва сердца извѣстный артистъ и рассказчикъ, А. М. Шмидтгофъ.

А. М. родился въ театральной семьѣ, пробылъ на сценѣ около 30-ти лѣтъ.

И прадѣды его, и дѣды, родители и тетки служили сценическому искусству, на подмосткахъ драматическихъ и оперныхъ провинціальныхъ театровъ. Отецъ А. М., Максимиліанъ Карловичъ, популярный въ свое время актеръ и капельмейстеръ, по преимуществу, иначе не называвшійся въ закулисномъ міркѣ какъ Максъ, былъ талантливымъ и образованнымъ музыкантомъ. Мать А. М. Екатерина Борисовна, урожденная Піунова, оставила сцену сравнительно недавно. Большую часть сценической дѣятельности провела въ Казани, гдѣ занимала выдающееся положеніе. Служила съ М. Г. Савиной, Варламовымъ, Дазызовымъ, П. М. Медвѣдевымъ. Самъ А. М. первоначальное образование получилъ въ 1-ей казанской гимназіи, откуда перешелъ въ самарскую.

Лѣтомъ 1879 г. имѣя уже репутацію опытнаго любителя, А. М. былъ приглашенъ участвовать въ спектакляхъ лѣтняго театра въ саду Панаева, въ Казани. Онъ сыгралъ роль Шпрингеля въ „Горькой судьбинѣ“ въ бенефисъ г-жи Германъ-Запольской и Ваньку въ „Ночномъ“ въ бенефисъ г-жи Струновой. П. М. Свободинъ указалъ на молодого любителя В. И. Кастровскому, случайно прѣхавшему въ Казань и искавшему для своей саратовской труппы на зиму „водевильнаго любовника“ и „простака съ пѣніемъ“ А. М. принялъ предложеніе и 30-го августа 1879 г. дебютировалъ въ пьесѣ „Богатырь въка“ въ роли Николая Соколенко.

За 30 лѣтъ своего служенія А. М. успѣлъ побывать въ 55 городахъ, исколесилъ всю Россію, причемъ въ Москвѣ, у Корша прослужилъ восемь лѣтъ. Послѣдніе годы А. М. игралъ въ Псковѣ, въ театрѣ Музыкально-Драматическаго Общества.

Музыкальныя замѣтки.

Во второмъ концертѣ Шредера Малеръ выступилъ въ двойной роли: дирижера и композитора. Какъ дирижеръ, онъ имѣлъ ошеломляющій успѣхъ, особенно послѣ бетховенской увертюры къ „Коріолану“, которую онъ провелъ, въ полномъ смыслѣ слова, гениально. Но, въ качествѣ композитора, онъ оставилъ неопредѣленное впечатлѣніе. Съ одной стороны, вся аудиторія, какъ одинъ человѣкъ, не могла не замѣтить, что предъ нею исключительная художественная индивидуальность, неудержимо рвущаяся къ грандіознымъ замысламъ и заражающая стихійностью творческихъ стремленій. А, съ другой стороны, все, что разрывалось предъ слушателемъ, было такъ необычно, такъ ново, такъ подавляло монументальностью формъ и гигантскою сложностью зачатъ, что публика растерялась, какъ въ лабиринтѣ. Замѣтите, не только большая публика, но и специалисты потеряли руководящую нить для правильной оцѣнки малеровскаго произведенія. Говорятъ, будто самъ Малеръ высказался, что его пятую симфонію нужно прослушать разъ десять, чтобы понять. Десять не десять, но съ одного раза, это вѣрно, ее не поймешь...

Могучій толчокъ, данный музыкѣ Вагнеромъ, не остался безъ вліянія и въ области симфоніи. Правда, самъ Вагнеръ, поглощенный музыкальною драмою, мало интересовался симфоническою музыкою. Онъ искренно вѣрилъ, что классическими формами завершено все знаніе. „Не пишите болѣе симфоній, патетически восклицалъ онъ,—послѣдняя симфонія уже

написана; это — девятая“. Но развѣ могъ прогрессъ не коснуться инструментальной музыки, когда именно въ этой сферѣ съ наибольшею силою сказался гений Вагнера? Уже Листъ, повинаясь вагнеровскому толчку, сталъ искать новыхъ путей. Онъ нашелъ ихъ—или, вѣрнѣе, думалъ, что нашелъ—въ „симфонической поэмѣ“. Но эта форма была скорѣе регрессомъ, чѣмъ прогрессомъ, ибо замѣнила *органическія* формы *случайнымъ* сдѣплениемъ темъ, вытекающимъ изъ программы, и на мѣсто *внутренней* сдѣпности создала *чисто-механическое* единство. Такимъ образомъ, въ области музыкальныхъ формъ новаторство Листа оказалось совершенно неудачнымъ. За то, въ отношеніи *содержанія*, реформаторскія его стремленія дали богатые результаты. Листъ раздвинулъ рамки поэтического замысла симфоніи, обогатилъ оркестровую палитру новыми красками и снабдилъ музыкальную рѣчь новыми изобразительными средствами. Въ его произведеніяхъ оргастическій духъ, проникающій всю музыку послѣ вагнеровскаго періода, звучитъ уже ярко и сильно. Вотъ почему Листа, по справедливости, слѣдуетъ считать родоначальникомъ новѣйшей симфоніи. Но Листъ не былъ революціонеромъ. Онъ былъ только предтечей революціи. При всей смѣлости реформаторскихъ порывовъ, онъ не рѣшался радикально порвать съ прошлымъ. Провозгласивъ программно высшимъ принципомъ музыки, онъ не осмѣливался изъ своей предпосылки сдѣлать всѣ логическія заключенія. Истиннымъ революціонеромъ оказался лишь Рихардъ Штраусъ. Рационалистъ отъ головы до самыхъ пятокъ—какъ, впрочемъ, и подобаетъ быть революціонеру,—онъ нисколько не былъ склоненъ считаться съ реальными условіями. Каковъ будетъ заключительный выводъ—ему до этого дѣла нѣтъ. Лишь бы восторжествовалъ теоретическій идеалъ. И онъ осуществляетъ свой идеалъ чисто рационалистическимъ путемъ. Признавъ извѣстный категорическій императивъ чистаго разума, онъ логически раскрываетъ всю его сущность. Съ безпощадною послѣдовательностью, чуждаясь всякаго компромисса и не отступая ни предъ какими результатами, онъ доводитъ сдѣпъ умозаключеній до конца.

„Музыка подчиняется программѣ. Программа—повелительница, музыка—послушная раба“. Таково велѣніе разума. Все остальное только логическое раскрытіе этого общаго положенія. Сколько яда и насмѣшекъ, въ свое время, изливалось, — да и теперь еще изливается,—даже рѣшительными сторонниками программной музыки по поводу „горизонтальной“ музыки Рихарда Штрауса! Въ устахъ приверженцевъ программности въ музыкѣ эти нападки звучатъ, по меньшей мѣрѣ, недомыслиемъ. Вѣдь, коль скоро музыка теряетъ самостоятельность и отдается въ барщину программѣ, то кому какое дѣло, что ея законная права попораны? Ея собственные законы имѣютъ право на существованіе лишь постольку, поскольку это допускаютъ интересы программы. При столкновеніи же интересовъ, очевидно, предпочтеніе должно быть отдано требованіямъ программы, какъ господствующаго начала. „Какофонія, вопіющая диссонансы, нестерпимыя сочетанія“—все это отклоненія отъ законовъ музыки, но эти законы не обязательны для программы, которая руководствуется единственно своими собственными правилами. Вы находите, что заключительный выводъ Рихарда Штрауса приводитъ къ абсурду? Согласенъ. Но это потому, что основная предпосылка невѣрна. Отвергните тогда самую предпосылку.

И насколько Рихардъ Штраусъ превосходилъ Листа логическою прямолинейностью и революціонною неустрашимостью, настолько же выше стоитъ онъ широтою концепцій, глубокаго проникновенія и техническимъ мастерствомъ. Совмѣщая въ себѣ Вагнера и Листа, онъ является ихъ законнымъ наследникомъ и естественнымъ продолжателемъ.

Но нельзя ограничиваться разрушеніемъ стараго. На развалинахъ отвергнутого прошлаго необходимо воздвигнуть зданіе для настоящаго и будущаго. *Анализъ* долженъ привести къ *синтезу*. *Революція* является только переходною ступенью къ *эволюціи*.

Такую именно дальнѣйшую стадію знаменуетъ собою Малеръ. Не уступая Рихарду Штраусу ни въ оргастичности натуры, ни въ широтѣ художественнаго кругозора, ни въ господствѣ надъ техническимъ матеріаломъ музыки, Малеръ вводитъ насъ въ преддверіе нарождающейся симфоніи будущаго. Въ его произведеніяхъ пробиваются уже ростки новыхъ формъ. Малеръ не противникъ программной музыки *quand même*. Онъ ея не отвергаетъ безусловно. Въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ признаетъ за нею право на существованіе, но не даѣе этихъ точно опредѣленныхъ границъ. Классическія формы симфоніи его не удовлетворяютъ. Онъ слишкомъ тѣсны для его широкихъ замысловъ. Но онъ признаетъ необходимость *органическихъ* формъ, вытекающихъ изъ внутренней природы самой музыки. Яркій представитель *индивидуализма* въ музыкѣ, онъ требуетъ, чтобы симфоническія формы давали полный просторъ для выраженія личныхъ настроеній автора, какъ бы прихотлива ни была ихъ смѣна.

Просторъ, конечно, не исключаетъ разумныхъ границъ, внѣ которыхъ возникаетъ безформенность. Опредѣлить ближе эти границы, послушавъ гигантское произведеніе Малера одинъ лишь разъ, нѣтъ возможности. Но что онъ суще-

Н. А. Фриде.

(Къ прощальному спектаклю въ Маринскомъ театрѣ).

ствуютъ и обуславливаются органическими требованіями самой музыки, доказываетъ подраздѣленіе симфоніи на рядъ частей и объединеніе ихъ въ отдѣлы. Каждая часть поражаетъ колоссальностью своихъ размѣровъ и всестороннимъ развитіемъ всѣхъ ея составныхъ элементовъ. Съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что это одно многословіе. Но, вдумываясь глубже, вы замѣчаете, что это исчерпывающая полнота человѣка, чувствующаго глубоко и обнимающаго предметы всесторонне. Онъ не способенъ относиться къ избранной темѣ поверхностно. Онъ не разстанется съ нею, не высказавъ всего, что у него на душѣ. Монументальность его архитектурныхъ построекъ и крайняя сложность звуковыхъ сплетеній вытекаютъ непосредственно изъ его духовной организаціи, стремящейся вездѣ и во всемъ къ грандіозному, безпредѣльному. Подобно „Моисею“ Микель-Анджело, его симфонія вылилась въ такія гигантскія формы лишь потому, что онъ соответствуетъ величію и глубинѣ идей автора. Темы Малера, въ ихъ основномъ видѣ, отличаются простотою, естественностью и красотой. Но какъ разрастаются онѣ въ дальнѣйшемъ развитіи и во взаимныхъ сплетеніяхъ! Какую неистощимую изобрѣтательность обнаруживаетъ композиторъ въ ихъ разработкѣ! Полифонія Малера, несмотря на крайнюю сложность, отличается изумительною прозрачностью и ясностью. Гармонизація его, поражающая смѣлостью оборотовъ, въ то же время производитъ впечатлѣніе естественности и непринужденности. И что замѣчательно всего; въ его произведеніи гармоническій и контрапунктистическій стили слились въ нѣчто синтетическое, примиряя въ высшемъ единствѣ эти два столь разнородныхъ и исторически обособленныхъ элемента. Это сліяніе гармоническаго и полифоническаго стилей составляетъ, правда, самую характерную особенность всей новѣйшей музыки, но ни у кого—и въ томъ числѣ у самаго Рихарда Штрауса, — оно не получило такой законченности и цѣльности... А инструментовка!.. Въ этой области Малеръ является всемогущимъ властелиномъ. Онъ непобѣдимо царитъ надъ чарами оркестроваго искусства. Ему знакомы всѣ тайны инструментальнаго краснорѣчія. Вотъ, казалось бы, кому легко впасть въ увлеченіе оркестровыми эффектами, но онъ чуждъ всего намѣреннаго и фальшиваго. Онъ пользуется особыми инструментальными комбинаціями лишь постольку, поскольку это ему необходимо для музыкальной характеристики. Нетрудно себѣ представить теперь, чего можетъ съ такими данными достигнуть настоящій оргастъ, которому всегда кажется, что онъ выразилъ свои ощущенія все еще недоста-

точно сильно, полно и ярко. Онъ сгущаетъ краски до послѣднихъ предѣловъ возможности. Онъ усиливаетъ инструментальныя группы, особенно же мѣдъ и деревянные духовые, въ пропорціяхъ, невѣдомыхъ другимъ композиторамъ. Всякое настроеніе пропускаетъ онъ черезъ призму самыхъ разнообразныхъ нюансовъ. Вотъ, нарастаніе настроенія (allegro furioso и rondo finale) достигло крайняго напряженія. Казалось бы, дальше некуда идти. Но Малеру всего мало. Онъ усиливаетъ подъемъ и доходитъ до такого апогея, на которомъ у всякаго другого закружилась бы голова и получился бы невообразимый хаосъ. Точно также, рисуетъ ли онъ скорбь души въ похоронномъ маршѣ (первая часть) или свѣтлую радость въ скерцо (третья часть), онъ предается выраженію своихъ чувствъ со стихійною необузданностью. Погребальная жалоба, постепенно разрастаясь, превращается въ невыразимо-раздирающій вопль, а безхитростный народный танецъ (Ländler) принимаетъ формы восторженнаго гимна, близкаго въ вакхическому изступленію.

Я воздерживаюсь отъ болѣе подробнаго разбора пятой симфоніи Малера. Какъ я уже говорилъ, для этого понадобится бы послушать ее еще нѣсколько разъ и ознакомиться съ партитурой. Но и теперь для меня ясно, что въ лицѣ Малера новѣйшая симфоническая музыка приобрѣла одного изъ самыхъ передовыхъ и яркихъ представителей. Сравнивая Малера и Рихарда Штрауса, я, не колеблясь, отдаю предпочтеніе первому, хотя онъ далеко уступаетъ Штраусу въ композиторской славѣ. Штраусъ находитъ себѣ облегченіе въ программѣ, на которую слушатель всегда опирается, ища себѣ руководящей основы. Малеръ же долженъ рассчитывать исключительно на дѣйствіе своей музыки, ибо абсолютная музыка не даетъ слушателю никакой опоры внѣ чисто-музыкальнаго матеріала. И все же это дѣйствіе неотразимо. Оно оказываетъ свое вліяніе на слушателя почти безсознательно. Это—признакъ крупнаго таланта.

Малеръ провелъ свою симфонію съ обыною пластичностью звука и богатствомъ оттѣнковъ. Кромѣ увертюры къ „Коріолану“, Малеръ исполнилъ еще вступленіе и смерть Изольды изъ „Трисмана“. Бетховенъ болѣе въ характерѣ дарованія Малера. Въ вагнеровскомъ произведеніи чувствовался временами недостатокъ подъема. Можетъ быть, впрочемъ, это объясняется усталостью дирижера и самой публики.

Въ качествѣ солиста выступилъ извѣстный парижскій піанистъ Пюньо. Онъ съ удивительною прелестью звука исполнилъ непредусмотрѣнный программой концертъ Моцарта и съ красивыми нюансами благодарный для піанистовъ 2-ой концертъ Рахманинова. Въ обоихъ концертахъ обратилъ на себя вниманіе превосходный аккомпаниментъ оркестра подъ мастерскимъ управленіемъ г. Владимірова.

И. Кнорозовскій.

Пушкинскій „Борисъ Годуновъ“ у Художественниковъ.

...привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ уже равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно.

Пушкинъ.

Какимъ строгимъ удовольствіемъ наполняется душа отъ такихъ вѣчныхъ памятниковъ искусства, какъ пушкинскій „Борисъ Годуновъ“, какъ отдыхаетъ она послѣ нестерпимой претензіи современныхъ растлителей!

Но своимъ Борисомъ, давъ такъ много литературы, Пушкинъ не захотѣлъ или не сумѣлъ безцѣльной жемчужины этого созданія подарить театру. Его Годуновъ никакъ не поддается сценической плоти и крови, оттого поэтъ всегда будетъ нѣсколько академиченъ на сценѣ, и развѣ только мочаловскій геній своей наивною непосредственностью творчества могъ бы изъ скупыхъ проявленій внутренней сущности пушкинскихъ героевъ создать пышные, яркіе цвѣты жизни и на сценѣ. Извѣстенъ тотъ фактъ, что Пушкинъ, какъ-то увидѣвъ Мочалова въ частномъ спектаклѣ въ своихъ великолѣпныхъ „Цыганахъ“ въ роли Алеко, вскочилъ съ

кресла, восклицая—«чортъ возьми, до сихъ поръ я и не подозрѣвалъ такого значенія въ словахъ моего Алеко,—Мочаловъ, прямо, чародѣй»,—и бросился на шею къ артисту.

Какъ бы то ни было, играть пушкинскаго «Бориса Годунова»—задача неимовѣрно трудная. Поддавшись, къ сожалѣнiю, при созданiи образа Бориса, Карамзину, Пушкинъ тѣмъ самымъ не могъ не сковать хотя отчасти свое могучее чутье; свое несравненное воображенiе.

Характеръ Бориса—этотъ яркiй элементъ настоящей трагедiи у Пушкина не выдержанъ, отрывоченъ и не связанъ тѣсно съ прочими лицами, лишень единства, т. е., говоря проще, Борисъ не служитъ центромъ, причинной связью событiй, которыя совершились около него. Но зато въ отдѣльных сценахъ, какое это живое воплощенiе цѣлой эпохи! Ея необычайная мрачность, общая растерянность всего государства, навѣянная загадочнымъ убiйствомъ царевича Дмитрiя и самъ собою вытекающiй отсюда моральный урокъ преступленiя, все это написано въ несравненныхъ гармоническихъ краскахъ. Ни одна страсть, ни одинъ намекъ на страсть не написаны схематически, а исчерпаны до конца со всѣми многосложными противорѣчiями своихъ проявленiй. Въ этомъ отношенiи влiянiе нечеловѣческаго гения Шекспира сказалося на Пушкинѣ самымъ отраднымъ образомъ. Не даромъ Пушкинъ съ восторгомъ восклицалъ—«Что за человѣкъ Шекспиръ! Я не могу притти въ себя отъ изумленiя. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ, во всю жизнь понявшiй только одинъ характеръ—именно свой собственный. И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому ненависть, третьему меланхолическую настроенность, такимъ образомъ изъ одного полного, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ».

Повторяю, досадно только, что Пушкинъ посмотрѣлъ на Бориса глазами Карамзина и не довѣрился своему гению. Отъ этого Борисъ вышелъ значительно меньшимъ въ нравственномъ масштабѣ и даже подсахареннымъ нѣсколько. Убiенiе царевича Дмитрiя по волѣ Бориса—до сихъ поръ неразъясненный вопросъ. Вѣдь прямо непостижимо, какъ такой осторожный политикъ, такой государственный умъ могъ допустить такой примитивъ по отношенiю къ царевичу Дмитрiю.

Если народная молва приписываетъ ему это преступленiе, по многимъ причинамъ совсѣмъ не нужное, бессмысленное, то это можно съ большой психологической достовѣрностью объяснить происками бояръ,—этой, по великолѣпному выраженiю Пушкина, «знатной чернью», которая не иное что, какъ просто родъ высшей прислуги со всѣми замашками разжирѣвшихъ лакеевъ.

Естественно предположить, что эти благородныя особы, при видѣ того, какъ «вчерашии рабъ», татаринъ, зять Малюты—«зять палача и самъ въ душѣ палачъ (по ихъ убѣжденiю) возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха»,—сошли съ ума при одной мысли и изыскивали всевозможныя средства для того, чтобы вѣрнѣе погубить Бориса въ глазахъ народа!

Нѣтъ ничего правдоподобнѣе этого предположенiя. Вспомните по Пушкину, на основанiи исторiи же, послѣднюю сцену въ «Борисѣ Годуновѣ», когда эти благородныя особы-бояре (князья Голицынъ и Мосальскiй, чиновники Молчановъ и Шереметевъ) пошли душить ни въ чемъ неповиннаго сына Бориса и его жену. Какъ на этихъ подлыхъ убiйцахъ оправдалось безсмертное, глубочайшее выраженiе «знатная чернь»!..

Борисъ Годуновъ, какъ всѣ сильные духомъ

честолюбцы, поднявшiеся изъ скромной доли на вершину земного могущества, во многомъ очень напоминаетъ знаменитыхъ актеровъ.

Если актерская слава, помимо таланта, требуетъ всяческой изворотливости, безсонныхъ ночей, тревожныхъ дней, постояннаго, мучительнаго обдумыванiя каждаго своего шага при встрѣчѣ съ «нужными» людьми; если актеръ, для того, чтобы сохранить за собой постоянно импонирующее положенiе, интересъ новизны для публики, долженъ выматывать свою душу, изошряя ее въ всевозможныхъ комбинацияхъ, то какiя же нужны силы человѣку уже не въ картонной коронѣ, и не съ картоннымъ знакомъ державы!

Если знаменитый актеръ—вчерашии Сидоровъ или Ивановъ—изъ какого-нибудь Козьмодемьянска, гдѣ онъ въ рваной рубашонкѣ беззаботно игралъ съ уличными мальчишками въ бабки и гдѣ ему, даже взрослому, не всякiй столоначальникъ подавалъ руку, часто у своихъ козьмодемьянцевъ до самой смерти остается только Сидоровымъ или Ивановымъ, то чего могъ ожидать Борисъ Годуновъ отъ чванныхъ, сырыхъ, идеально темныхъ, идеально лѣнивыхъ московскихъ бояръ? Развѣ никто изъ нихъ не могъ втайнѣ мечтать, жгуче мечтать о томъ, чтобы самому «сѣсть на царство»?

Вотъ почему я плохо вѣрю въ причастность Бориса къ убiйству царевича Дмитрiя и поэтому мнѣ кажется, что если бы Пушкинъ не поддался авторитету Карамзина, его «Борисъ Годуновъ» могъ бы выйти колоссальнѣйшимъ литературнымъ произведенiемъ, настоящей, строгой трагедiей человѣка, который рѣдкой силой ума, воли и почти европейской выдержкой изъ «знатной черни» выбился въ герои исторической судьбы и только за свое превосходство надъ этой чернью—погибъ. Какая была бы въ этомъ вѣчная идея для всѣхъ народовъ!

Г-жа Мальвина Вагнеръ-Грюнбергъ.
(Къ концерту).

Саша Гитри.

(Сынъ извѣстнаго Гитри, бывшаго артиста Михайловскаго театра, нынѣ самъ актеръ и авторъ новинки, шедшей въ субботу въ 1-й разъ на сценѣ Михайл. франц. театра).

Ну, а знаете-ли, возмездіе за преступленіе да еще по отношенію къ человѣку, который его едва-ли совершилъ,—не такъ ужъ глубоко, потому что въ философскомъ смыслѣ очень спорно и даже, пожалуй, было бы банально, если бы не находилось въ рукахъ такого мастера слова, какъ Пушкинъ.

Артисты отнеслись къ «Борису Годунову» съ рѣдкой любовью.

Г. Вишневскій играетъ Годунова совершенно по замыслу Пушкина. Пушкинскій Борисъ Годуновъ, при всемъ внѣшнемъ величіи, далеко не герой, не самодовлѣющая сила. Въ пушкинскомъ царѣ Борисѣ больше всего виденъ искусный придворный, очень умный, но отнюдь не глубокий. Въ его Борисѣ много такта, собственнаго достоинства, какъ результата рѣдкой осторожности, но совсѣмъ не видно смѣлаго, мощнаго размаха яркой индивидуальности. По Пушкину, власть, доставшаяся Борису Годунову, дѣлаетъ его какъ бы растеряннымъ, неувѣреннымъ въ правѣ на эту власть — признакъ совсѣмъ не исключительной натуры, которая никогда ни на минуту не сомнѣвается въ своемъ превосходствѣ надъ окружающими и ради достиженія своей цѣли, смѣло, властно бьется до послѣдняго издыханія.

По Пушкину, даже лучшія дѣла Бориса носятъ печать какого-то отверженія, и весь онъ значителенъ не личными качествами, а соединеніемъ вмѣстѣ тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, которые привели его къ трону.

Совершенно такъ его играетъ г. Вишневскій; артистъ ни на одну минуту не погрѣшилъ противъ пушкинской конструкции роли. И не его вина, если впечатлѣніе отъ нея скупое и нѣсколько неопредѣленное.

Въ большую заслугу г. Вишневскому нужно поставить то, что онъ не лишаетъ Бориса нѣкотораго

изящества и мягкости въ обращеніи. Это глубоко вѣрно. Такой чуткій человѣкъ, какъ Борисъ Годуновъ, не могъ не позаимствовать кое-что отъ иностранцевъ и, конечно, прежде всего внѣшніе приемы, такъ выгодно отличавшіе иностранцевъ отъ неповоротливыхъ грубыхъ бояръ.

Чудеснѣйшая роль Пимена, на мой взглядъ, не удалась, къ сожалѣнію, г. Качалову. Прекрасный голосъ этого благороднаго артиста еще слишкомъ молодъ и не поддается старческимъ интонаціямъ, и насиловать этотъ голосъ даже не безопасно для тембра (сужу по собственному опыту). Затѣмъ, мнѣ показалось, что г. Качаловъ подошелъ къ Пимену не съ чувствомъ, а только съ разсудкомъ, а разсудокъ—осмѣлюсь сказать къ негодованію нынѣшнихъ, столь многочисленныхъ «профессоровъ» драматическаго искусства»,—въ такомъ поэтичнѣйшемъ созданіи, какъ пушкинскій Пименъ—все равно, что смѣтъ въ горячей водѣ.

«Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе—говоритъ Пушкинъ. Въ немъ собраны черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умирительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышитъ въ сихъ драгоценныхъ скрижаляхъ времени минувшихъ»...—Отсюда ясно, съ какой безмятежной простотой и вѣрой только въ свое чутье долженъ приступать актеръ къ изученію этой роли. Необыкновенная поэтичность этихъ стиховъ въ роли Пимена представляетъ для актера и страшно трудную задачу—сливаться съ этими стихами на сценѣ настолько, чтобы для всѣхъ ясно показать все то, что въ нихъ вложено.

Удивительное дѣло настоящіе художественные стихи въ драматической формѣ! Если ихъ не почувствовать сразу, съ перваго же слова, какъ выраженіе личныхъ чувствъ и мыслей, то какъ ни будь искусень, даже даровитъ актеръ, они всегда будутъ производить на сценѣ впечатлѣніе какой-то книжности и недоговоренности. Никакая блестящая техника не поможетъ актеру, если онъ не почувствуетъ сразу такихъ стиховъ. Какъ ни великъ въ смыслѣ техники Поссартъ, какъ ни безукоризненно читаетъ онъ стихи, но, чортъ возьми, онъ все-таки ихъ только читаетъ, а стихи въ драматической формѣ нужно играть, иначе книжность, — холодная иллюстрація, какъ затверженный урокъ, будетъ всегда мѣшать настоящему впечатлѣнію и мертвить содержаніе поэзіи, какъ фотографія мертвитъ художественную картину.

Роль Дмитрія Самозванца врядъ-ли подходитъ къ дарованію г. Москвина. Прежде всего артистъ слишкомъ опрощаетъ Самозванца, придаетъ ему типично бытовой тонъ. Это, по моему, невѣрно. Самозванецъ—прирожденный актеръ, съ переимчивой романтической душой, съ непреодолимой склонностью къ позѣ, щегольству. Живя въ Польшѣ, видя на полякахъ и тогда уже яркіе слѣды западной культуры, Самозванецъ по крайней мѣрѣ внѣшнее изящество долженъ былъ перенять отъ нихъ. Да есть наконецъ источники, изъ которыхъ видно, что онъ былъ даже достаточно образованъ.

Въ плѣнительно волшебной сценѣ съ Мариной, какъ ни толкуй эту сцену, а Самозванецъ—типичный любовникъ, пламенный, задорный юноша, весь потонувшій въ гармоніи своей любви, съ чѣмъ, навѣрно, согласится и г. Москвинъ. Впрочемъ, можетъ быть, артистъ не совсѣмъ овладѣлъ ролью и въ послѣдствіи дасть этого юношу и съ манерами настоящаго рыцаря средневѣковья.

Очень хорошъ въ роли Василя Шуйскаго г. Луж-

ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

Ш. Г. Баратовъ (Сосновскій).

„Сфинксъ“, Шпажинскаго.

Рис. А. Любимова.

Е. Н. Рощина-Инсарова (Елена).

скій. Изъ эпизодическихъ ролей это самая трудная, и нужно большое изученіе и чутье, чтобы не впасть въ этой роли въ трафаретъ. Мнѣ только думается, что артистъ внѣшностью слишкомъ подчеркивалъ внутреннюю сущность. Въ дѣйствительности такая невыгодная во всѣхъ отношеніяхъ наружность обыкновенно старается чѣмъ-нибудь сгладить, смягчить свои слишкомъ кричащіе изъяны на лицѣ.

Нужно-ли говорить объ обстановкѣ? Въ этомъ отношеніи Художественный театръ не знаетъ соперниковъ.

Я лично былъ особенно восхищенъ двумя обстановками. Это—Краковъ. Домъ Вишневецкаго, гдѣ Самозванцу передъ походомъ въ Россію представляются и шляхта и бояре, обиженные Борисомъ, и разные вожди, особенно ярко бросается въ глаза гордая, тщеславная шляхта, любующаяся каждымъ своимъ движеніемъ. Здѣсь очень характеренъ г. Адашевъ. Артистъ удивительно благородно гримируется въ этой роли и съ особеннымъ, свойственнымъ только поляку изяществомъ ведетъ ее. Наконецъ сцена въ уборной Марины, гдѣ приближенные Марины прямо соперничаютъ съ нею этой воздушной польской граціей, тончайшимъ лукавымъ кокетствомъ, ласкающими глазъ костюмами и тѣмъ неуловимымъ ароматомъ женственности, который безъ словъ такъ много говоритъ воображенію. Пусть дѣйствительность потомъ обманетъ воображеніе, но создавать изъ удовольствія наслажденіе, изъ наслажденія восторгъ, а изъ восторга упоеніе, какъ вѣнецъ земныхъ радостей, изъ славянскаго племени въ средніе вѣка умѣли только польки, объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленные историческіе па-

мятники. И эту черту польскаго народа удалось схватить не только г-жамъ Германовой и Барановской, но и остальнымъ безмолвнымъ исполнителямъ.

Роль Марины, мнѣ кажется, была бы во власти г-жи Германовой, если бы только артистка внесла побольше разнообразія въ свои интонаціи, недоступности въ самой привѣтливости, холодной гармоніи даже въ честолюбіи.

«Она возмущаетъ меня какъ страсть», по обыкновенію, проникновенно и краснорѣчиво замѣчаетъ Пушкинъ. Именно такъ ее нужно и играть—чтобы она манила и жгла, притягивала и отталкивала.

Н. Россовъ.

Злость критики.

Письма гг. Драматурговъ въ нашемъ журналѣ о «злой критикѣ» были оцѣнены по достоинству редакціей. Я только не согласенъ насчетъ скромной роли сторожевого пса, хотя, конечно, гораздо почетнѣе быть солиднымъ, злымъ сторожевымъ псомъ, чѣмъ машущей хвостикомъ, умильно заглядывающей въ глаза всѣмъ и каждому безплезной комнатной собачонкой, въ какую, повидимому, желательно превратить критика г-ну Драматургу № 2.

Надо удивляться, что до сихъ поръ, послѣ, казалось бы, установившагося принципа индивидуали-

стической критики, послѣ переоцѣнки не только эстетическихъ, а и этическихъ цѣнностей, все еще можетъ перебираться старая труха «благожелательности» и «разъясненія» на основаніи «философскихъ и эстетическихъ взглядовъ» (вѣроятно, они должны лежать въ готовомъ видѣ гдѣ-нибудь въ сундукѣ у гг. критиковъ и выниматься по мѣрѣ надобности). Право, ужъ лучше отрѣзать, какъ г. Драматургъ № 1: критика бесполезна—и баста. Впрочемъ, вѣдь не только гг. Драматурги подъ номерами, которые, нечего грѣха таить, могутъ хлопотать «pro domo sua» и которые, повидимому, еще не находятся въ третьей стадіи отравленія (лестью), но и почтеннѣйшая публика, столь любящая «руготню», «скандальчики», разоблаченія, даже «буренинскую слюну», нерѣдко осуждаетъ критику за ея злость, за ея рѣзкость. Совершенно напрасное фарисейство! Любовь къ злости намъ свойственна, злость такъ же необходима, какъ и доброта. Объ этомъ говорятъ не проповѣди современныхъ сверхчеловѣковъ, а ежедневный опытъ. Домашнія сцены, уличные скандалы, злыя разоблаченія въ жизни и печати, скандальные процессы, самыя рѣзкія осужденія выдающихся лицъ—все это влечетъ насъ, доставляетъ странное чувство удовольствія, внутренняго самоудовлетворенія. Попробуйте измѣнить боевой характеръ нашихъ газетъ,—ибо вѣдь онъ проникаетъ рѣшительно всѣ ихъ отдѣлы,—и посмотрите, много ли останется читателей, разжиженныхъ сиропомъ «благожелательности», столбцовъ. Сарказмъ, насмѣшка всегда и всюду—самыя цѣнныя монеты. Почти общее свойство—любить порицаніе больше, чѣмъ похвалу. И нечего пугаться, лицемѣрно бичевать себя и другихъ за «скверные инстинкты». Надо вникнуть въ ихъ основу.

Благожелательность—качество очень пріятное въ общежитіи, злобность—отвратительное. Но какъ это ни элементарно, злость, въ основѣ которой негодованіе во имя чего-нибудь, постоянно смѣшивается со злобою, въ основѣ которой личный скверный характеръ, личные скверные инстинкты. Примѣры изъ литературы: Чацкий человѣкъ злой, Яго злобный, Маниловъ—благожелательный. Я бы даже Яго предпочелъ Манилову. Жизнь до такой степени залита «моремъ насилія, лжи, лицемѣрія», столь обезличена общепринятыми трафаретами, что отъ сиюкающей благожелательности ко всѣмъ и ко всему—вѣтъ мертвечиной. На днѣ злости и даже «коварной злобы» всегда искренность, всегда протестъ, какая-то тѣнь правды. Задавленные жизнью, мы боимся, иногда ненавидимъ злость, и все-таки набрасываемся на всѣ злыя проявленія, ибо инстинктивно жаждемъ правды, искренности. Мы такъ извѣрились въ возможность положительныхъ путей, что нерѣдко насъ больше влечетъ къ злему отрицателю, чѣмъ къ «доброму пастырю». Отсюда такой огромный *длящийся* успѣхъ пессимистической философіи въ лицѣ Шопенгауэра, недавняго «власителя думъ» Ницше, такое влеченіе къ демонизму, къ учению «о зломъ началѣ», къ художественной сатирѣ, даже къ каррикатурѣ. Изумительно, что самое блестящее положительное со временемъ какъ бы блекнетъ, линяетъ, между тѣмъ, какъ отрицательное всегда играетъ переливами свѣжихъ красокъ. «Яркая и божественная печать любви», г. Драматургъ № 2, въ послѣднее время сильно поистерлась и увѣ большой вопросъ для всѣхъ, кто не проспалъ современную и философскую разработку интересной темы, такъ ли ужъ обязательно эта «вислая», какъ вы, повидимому, ее понимаете, печать именно для искусства.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ мы восхищаемся, иногда

даже невольно, злостью, когда инстинктъ ясно подсказываетъ ея основу—негодованіе, освѣщающую правду. Такова злость литературной критики въ ея, конечно, чистомъ, не столь обычно загрязненномъ пасквилемъ видѣ. Только критика, подобно сказочному благородному придворному или умному шуту, рѣшается говорить правду до конца, чѣмъ и объясняется какъ бы присущій ей характеръ злости и въ чемъ, конечно,—ея «высокая очистительная обязанность».

Гг. Драматургамъ, повидимому, не понятно, что самый злой критикъ можетъ быть страстно «благожелательнымъ»—правда, не къ гг. Драматургамъ подъ номерами, а къ безпредѣльно громадному, крупному,—къ дальнимъ солнцамъ, которыя мы зовемъ искусствомъ, правдой, красотой. Повидимому, все еще приходится выяснять, что одновременно можно «обожать» гг. Драматурговъ въ общежитіи, какъ людей, и искренно ненавидѣть ихъ, какъ дѣятелей искусства, ненавидѣть до такой степени, что можетъ нехватить бранныхъ словъ въ лексиконѣ. И неужели свою ненависть во имя дальнихъ солнцъ я долженъ маскировать, не долженъ облекать въ формы доступныхъ мнѣ сарказма, насмѣшки, сильнѣе которыхъ нѣтъ оружія, если дѣйствительно ярко хочешь выразить свою мысль? «Во имя искусства» не фраза, а дѣйствительно безпощадный лозунгъ на знамени критики. Чѣмъ выше стоитъ это знамя, тѣмъ злѣе, безпощаднѣе критика, тѣмъ невозможнѣе сюсюкающая благожелательность. «Разъяснять» гг. «петербургскихъ» художниковъ, гг. драматурговъ, поставляющихъ свои произведенія для «большой публики», маленькіе таланты безчисленныхъ Ивановъ Ивановичей; запруживающихъ всевозможныя арены художества, благожелательно констатировать несомнѣнную истину, что Иванъ Ивановичъ, написавшій драму, попавшую на сцену, или картину, попавшую на выставку, все-таки даровитѣе Ивана Ивановича, который не сумѣетъ и этого! Но вѣдь именно Иваны Ивановичи, иногда даже съ крупными именами,—главные враги искусства, именно среди нихъ такъ много гешефтмахеровъ и карьеристовъ. Крупницы ихъ дарованій обыкновенно задавлены горами самомнѣнія, дутыхъ претензій, скверной подражательности, рутинныхъ пріемовъ, всего того, что такъ нетерпимо въ искусствѣ, такъ затемняетъ его правду, такъ мѣшаетъ его эволюціи. Въ каждый данный моментъ есть одна только правда въ искусствѣ, одно высшее его постиженіе, связанная таинственной связью съ прошлымъ и какъ бы окруженная враждебной атмосферой настоящаго. Не существуетъ неподвижныхъ философскихъ и эстетическихъ взглядовъ, при помощи которыхъ ничего не стоило бы разсѣять эту атмосферу, которые можно было бы прикидывать, какъ аршинъ, во всякое время, ко всякимъ проявленіямъ искусства. Если они не такъ часто мѣняются въ корнѣ, то постоянно мѣняютъ свои одежды. Нельзя проповѣдывать ихъ, какъ эстетическую догму, всѣми примѣнимую, а можно только въ силу высшаго въ данный моментъ чутія, пониманія, вкуса освѣщать при ихъ помощи проявленія искусства индивидуальнымъ свѣтомъ. Въ этомъ творчество критики, и вотъ этого-то никогда не понимаютъ Иваны Ивановичи, упирающіеся въ ограду установившагося, которую они называютъ эстетическими взглядами. И они же говорятъ объ «опаздываніи»! Ужъ не Бѣлинскій ли, Рескинъ, Оскаръ Уайльдъ, даже Тэнъ, даже Стасовъ въ борьбѣ съ академизмомъ, даже кружокъ «Міра искусства» въ борьбѣ съ передвижничествомъ, запаздывали? Я позволяю себѣ обоихъ гг. Драматурговъ, совершенно не зная

ихъ именъ, причислять къ Иванамъ Ивановичамъ, ибо только послѣдніе могутъ такъ «обижаться» на критику, такъ смѣшивать критику съ пасквилемъ, такъ мечтать о благожелательности. И не правда, что вы презираете критику, — вы прежде всего ся боитесь. Не буду, конечно, говорить объ Иваняхъ Ивановичахъ — гешефтмахерахъ, которымъ критика наносить «матеріальный ущербъ», бѣгъ, какъ говорится, рублемъ. Тутъ дѣла экономическія. Къ сожалѣнію, большинство Ивановъ Ивановичей вѣдь дѣйствительно отравлено ядомъ творчества, ядомъ искусства, однимъ изъ самыхъ страшныхъ ядовъ. Всѣ мечтаютъ объ Олимпѣ. Быть можетъ, нѣтъ ничего заманчивѣе, лучезарнѣе перспективы быть дѣятелемъ искусства, разъ чувствуется огромность и блескъ этого солнца. Изумительно, что именно здѣсь затрогиваются самыя тонкія, самыя глубокія нити самолюбія, что именно здѣсь особенно мучительно сознание своего безсилія, что именно здѣсь особенно трудно самоопредѣленіе. Чуть замѣтная оригинальность крупницы дарованія задавливается горой шаблона, легко приобрутаемаго, лести (вѣдь у самого маленькаго Ивана Ивановича есть «хорошіе знакомые») раздуваетъ самомнѣніе, перепутываются всѣ масштабы, «человѣческое», противно человѣческое затемняетъ дальнее солнце. И вотъ ядовитыя стрѣлы критики обращаютъ въ пыль выросшія горы, обнажая, заставляя мучительно шевелиться все еще жившаго подъ ними червячка сомнѣнія, вскрывая ядовитую ранку. Будьте благодарны имъ: онѣ несутъ противоядіе. Огромное счастье — безкорыстно любить, и чувствовать дальнее солнце, не затемняя чуть замѣтный проблескъ его въ себѣ «человѣческимъ», скромно сознавая невозможность достиженія. Даже искренняя несправедливость, искреннее пристрастіе цѣлительны и могутъ освѣжить атмосферу: многогранность, разносторонность пониманія и освѣщенія искусства такъ велики, что даже въ несправедливомъ осужденіи можетъ чувствоваться оттѣнокъ справедливости, иногда болѣе яркій, чѣмъ въ искреннихъ, но преувеличенныхъ похвалахъ.

Критика не «вредна», какъ утверждаетъ г. Драматургъ № 1, а напротивъ, очень полезна въ такихъ, напр., случаяхъ. «Всякій истинный художникъ, по словамъ г-на Драматурга № 1, по окончаніи своего произведенія плачетъ надъ нимъ, какъ Ахиллъ надъ трупомъ Патрокла». Не знаю, слезы ли это самоумиленія или самокритики, плачутъ ли Иваны Ивановичи, но во всякомъ случаѣ, они никогда не хоронятъ своихъ безчисленныхъ Патрокловъ, что было бы такъ естественно послѣ слезъ. Какова была бы атмосфера, если бы ихъ не хоронило своего рода бюро похоронныхъ процессій — критика?

И критика — занятіе не «легкое», какъ опять-таки

утверждаетъ Драматургъ № 1. Я уже не говорю о тѣхъ траги-комическихъ положеніяхъ, когда злой критикъ въ жизни «мухи не обидитъ», когда ему одновременно больно огорчить господина Ивана Ивановича и такъ хочется смѣшать съ грязью драматурга Ивана Ивановича. Но вѣдь критикъ прежде всего такъ же беззащитенъ передъ критикой, какъ художникъ, Иванъ Ивановичъ, между тѣмъ какъ отвѣтственность его несравненно больше. Художникъ преподноситъ произведеніе своей кухни и говоритъ: «я старался, кушайте на здоровье». Самое главное — степень его приближенія къ солнцу, чутья и пониманія искусства остается загадкой. Критикъ же постоянно вноситъ это свое святое святыхъ, даетъ понимать и чувствовать, во имя чего онъ говоритъ, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ ярче его индивидуальность, темпераментъ. Злость, сарказмъ, несо-

ЕКАТЕРИНИНСКІИ ТЕАТРЪ.

„Жизнь человѣка“, оперетка Леон. Полтавскаго. — Хоръ судомоекъ.
(Рис. А. Любимова).

мѣнно, тогда только страшны, когда въ нихъ сказывается чутье правды. Иначе они безпощадно обрушиваются на самого же критика Критика въ концѣ концовъ, конечно, дѣло личнаго вкуса, но за нимъ стоитъ нѣчто огромное обще-обязательное, таинственное, — менѣе всего формулируемые законы искусства, можетъ быть, тоже вѣчно неизмѣнные, но столь непохожіе на научные законы. Художнику они даются даромъ, интуитивно, критикъ долженъ улавливать ихъ, долженъ проникаться ими въ чужихъ произведеніяхъ. Онъ въ вѣчномъ страхѣ, достаточно ли тверда, основательна опора его личнаго вкуса. Безпощадный къ другимъ, онъ сражается въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ обоюдоострымъ оружіемъ, самъ уязвимъ со всѣхъ сторонъ и, можетъ быть, отчасти потому такъ нервенъ и золъ.

И все-таки злая критика добра. Она вѣдь не устаетъ возиться съ Патроклами вмѣсто того, чтобы на фронтонахъ многихъ театровъ, выставочныхъ зданій, концертныхъ залъ въ свою очередь вывѣсить надписи: «не ходите туда, это дома мертвыхъ, тамъ трупы», на что часто имѣетъ такое право.

А. Ростиславовъ.

„Графъ де-Ризооръ“ на сценѣ Японскаго театра въ Токио.

Чрезвычайное общее собраніе членовъ Театральнаго Общества.

(Засѣданіе 28-го октября).

Настоящее засѣданіе должно было быть посвящено обсужденію проекта измѣненій Устава Т. Об-ва, сдѣланныхъ особо выбранною комиссіей.

Судьба судила иначе. Въ началѣ засѣданія предсѣдатель собранія огласилъ письмо А. Е. Молчанова, который извѣщалъ о своей отставкѣ отъ должности вице-президента Театральнаго Общества.

Отставка Молчанова! Это было совершенной неожиданностью для большинства членовъ собранія. Почему? Какія причины? Впечатлѣніе получилось и ошеломляющее и недоумѣнное. Чувствовалось что здѣсь—„что-то не такъ“. Мотивы отставки неизвѣстны, но разъ она совпадаетъ съ собраніемъ, невольно является мысль о связи этихъ двухъ обстоятельствъ. Если же принять во вниманіе, что въ измѣненіи устава проектируется замѣна назначаемаго вице-президента избираемымъ, то кажется вполне вѣроятно, что это могло вліять и на рѣшеніе А. Е. подать въ отставку. Если это такъ, то его поступокъ имѣетъ какъ-будто видъ нѣкотораго давленія на собраніе. Мысли въ родѣ вышеизложенныхъ неизбѣжно бродили въ головахъ членовъ собранія, ибо иначе нельзя объяснить неловкаго и недоумѣвающего молчанія, съ какимъ собраніе встрѣтило предложеніе предсѣдателя выразить А. Е. Молчанову соболѣзнованіе по поводу его болѣзни и просить его взять свою отставку обратно.

А. Е. Молчановъ такъ много сдѣлалъ для Театр. Об-ва и настолько былъ и будетъ полезенъ для его дѣятельности, что не разразись его отставка, какъ громъ среди яснаго неба, навѣрное мы услышали бы со стороны собранія болѣе шумное выраженіе желанія вновь видѣть А. Е. на его посту.

Во всякомъ случаѣ отставкою Молчанова создано новое неожиданное и непредвидѣнное положеніе дѣла. Обсуждать проектъ измѣненій устава при этихъ условіяхъ оказалось бы довольно послѣдственнымъ, тѣмъ болѣе, что и собраніе-то было слишкомъ малочисленное (собралось что-то около 30—35 членовъ). Что же дѣлать? Я. А. Плющикъ-Плющевскій предложилъ предварительно обсужденія проекта устава—ознакомить съ работами комиссіи августѣйшаго Президента Театр. Об-ва. Такъ какъ прошлымъ общимъ собраніемъ было рѣшено просить Президента способствовать проведенію измѣненій устава, такъ сказать, внѣуставнымъ путемъ, то конечно чрезвычайно важно знать, какъ отнесется августѣйшій Президентъ къ предполагаемымъ измѣненіямъ.

Такъ и было рѣшено, причемъ ознакомленіе августѣйшаго Президента съ проектомъ измѣненій устава возложено на троихъ делегатовъ отъ общаго собранія. Но задача имъ дана шире: они должны познакомить Великаго Князя вообще съ положеніемъ дѣлъ въ Театральномъ Обществѣ и указать, какія среди членовъ Об-ва ходятъ мнѣнія о средствахъ его улучшить. Когда делегаты исполняютъ свою задачу, Совѣтъ долженъ созвать новое общее собраніе для обсужденія вопроса объ измѣненіи устава.

Несмотря на возраженія нѣкоторыхъ членовъ (Протопоповъ, Троповскій), что собраніе еще не высказало своего отношенія по вопросамъ объ измѣненіи устава и что делегаты могутъ быть будутъ знакомить съ тѣмъ, что собраніе могло бы отвергнуть или измѣнить, громадное большинство присутствующихъ членовъ рѣшило обсужденія проекта не имѣть и выбрать делегатовъ къ августѣйшему Президенту.

Избранными оказались: В. С. Кривенко, В. П. Далматовъ и Е. П. Карповъ.

Отставка А. Е. Молчанова въ жизни Т. Об-ва имѣетъ настолько серьезное и важное значеніе, что надъ этимъ фактомъ необходимо остановиться подробнѣе. Намъ не разъ случалось слышать лицъ, восторженныхъ поклонниковъ А. Е., утверждавшихъ, что Т. Об-во только и держится Молчановымъ и съ его уходомъ неминуемо должно распасться и погибнуть. Съ другой стороны, мы встрѣчали и мнѣнія совершенно противоположныя; намъ говорятъ, что именно Молчановъ и есть наисильнѣйшій тормазъ для развитія Об-ва, что при немъ не могутъ развиваться самодѣятельныя силы Об-ва и что уходъ А. Е. Молчанова послужитъ къ процвѣтанію Об-ва. Намъ думается, что не правы и тѣ, и другіе. Истина, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, проходитъ по серединѣ. Конечно уходъ изъ Т. Об-ва отразится на дѣлахъ послѣдняго можетъ быть и неблагоприятно, но съ очень большой дозой вѣроятности можно утверждать, что отъ этого Об-во не расплется и не погибнетъ. Точно также едва-ли уходъ Молчанова будетъ способствовать развитію самодѣятельности членовъ Об-ва и отсюда его процвѣтанію. Во первыхъ, слабое развитіе означенной самодѣятельности имѣетъ свои болѣе глубокія причины, коренящіяся въ характерѣ самихъ членовъ Об-ва и въ условіяхъ среды вообще; приписывать все вліянію одной личности—значитъ разсуждать слишкомъ поверхностно и легкомысленно. Во-вторыхъ, сколько намъ извѣстно, А. Е. Молчановъ всегда шелъ навстрѣчу всѣмъ проявленіямъ самодѣятельности членовъ Т. Об-ва. Упорядоченіе устава Об-ва, согласно назрѣвшимъ потребностямъ жизни, встрѣчало въ немъ не тормазъ, а, напротивъ, во многихъ своихъ частяхъ горячаго защитника.

Сомнѣваться въ искренности побужденій А. Е., заставившихъ его рѣшиться на такой важный шагъ, мы не имѣемъ ни повода, ни права. Уже давно А. Е. Молчановъ поговаривалъ о своемъ уходѣ; болѣзненное состояніе, которое нерѣдко его навѣщаетъ, уже одно давало бы право желать скинуть съ себя бремя заботъ такого довольно сложнаго учрежденія, какъ Т. Об-во. Кромѣ того намъ понятны и другіе мотивы. Человѣкъ, такъ много сдѣлавшій, вкладывавшій въ свое дѣло всю душу, желавшій своею любовью обнять весь сценическій міръ, все же человѣкъ. И если его оскорбляютъ въ лучшихъ чувствахъ; если вмѣсто отзвѣтной любви онъ встрѣчаетъ вражду и можетъ быть оскорбленія—онъ не можетъ остаться равнодушнымъ. А А. Е. Молчанову за послѣдніе годы пришлось пережить не мало разочарованій въ сценич. мірѣ. Мы помнимъ московскія собранія, гдѣ горячія головы не только осуждали Молчанова, но даже не воздерживались отъ рѣзкостей по его адресу.

Можетъ быть съ личными обидами и можно мириться во имя святаго дѣла, но вотъ вмѣстѣ съ общероссійскимъ движеніемъ и въ Т. Об-во вторглась струя живой жизни, ищущая выходовъ: ее уже не удовлетворяютъ старыя рамки. Онѣ ее жмутъ, давятъ. Идетъ борьба не противъ личностей, а противъ системы, противъ принятаго, обжившагося порядка. Новая струя не отрицаетъ Молчанова, но она хочетъ, чтобы онъ дѣйствовалъ по ея взглядамъ и убѣжденіямъ, а не по своимъ; чтобы онъ любилъ не то, что любить, а то, что ему указываютъ; чтобы онъ цѣнилъ не то, что привыкъ, а нѣчто ему чуждое, внѣшнее, можетъ быть даже не всегда понятное.

Войдите въ психологію человѣка, поставленнаго въ такое положеніе. Конечно, у него уже опускаются руки, онъ охлаждаетъ къ дѣлу, прежде любимому. Онъ уже не можетъ внести сюда той энергіи, преданности съ которой велъ его прежде. Является настоятельное желаніе отойти отъ дѣла, дать себѣ покой. Любимое становится немылимъ, и мысль объ отставкѣ все чаще и настоятельнѣе занимаетъ умъ.

Выходъ въ отставку мы понимаемъ, но... почему выходъ въ отставку послѣдовалъ теперь, наканунѣ общаго собранія? Общественная дѣятельность имѣетъ свои условія. Общественный дѣятель обязанъ считаться съ мнѣніемъ лицъ, составляющихъ общество. На Руси, конечно, не мало обществъ, носящихъ только подобное названіе, а на самомъ дѣлѣ составляющихъ бюрократическія учрежденія, отдѣленія департаментовъ соотвѣствующихъ министерствъ.

Возьмите Императорское человеколюбивое общество, попечительство о народной трезвости, Красный Крестъ и многія другія. Таково ли должно быть и Театральное Общество? Вотъ въ подчеркиваніи желанія видѣть послѣднее подобнымъ первымъ, подчеркиваніи можетъ быть и невольномъ, но для каждаго ясно въ виду совпаденія отставки и проекта измѣненія устава, мы видимъ несвоевременность и даже неумѣстность того рѣшительнаго шага, который предпринялъ Анатолій Евграфовичъ.

Мы судимъ по фактамъ, но собственныхъ мотивовъ отставки отъ А. Е. Молчанова мы не слыхали. Когда они станутъ извѣстны, возможно, что въ свои разсужденія намъ придется внести поправки. Но при настоящемъ положеніи дѣла, факты именно такъ представляются непредубѣжденному уму.

Въ исполненіе постановленія прошлаго засѣданія была избрана коммисія для устройства спектаклей въ пользу Театрального Общества. Въ нее вошли 10 лицъ для Петербурга (г-жа Савина; гг. Далматовъ, Карповъ, Протопоповъ, Красовъ, Кугель, Фигнеръ, Монаховъ, Морозовъ, Плюшкинъ-Плющевскій) и 10 для Москвы (гг. Станиславскій, Сумбатовъ, Бахрушинъ, Пальминъ, Правдинъ, Собиновъ, г-жа Ермолова, Немировичъ-Данченко, Синельниковъ, Эфросъ).

По предложенію предсѣдателя собранія В. С. Кривенко пар acclamation добавленъ для Москвы Гаринъ-Виндингъ.

Въ коммисію по приему зданій убѣжища и пріюта избраны: гг. Зенгеръ, Несторъ, Пожоевъ.

Пока происходили выборы собраніе рассмотрѣло жалобу г. Серполетти на совѣтъ Театрального Общества. Г. Серполетти желалъ открыть въ Москвѣ бюро посредничества по ангажементамъ для кафешантаннхъ артистовъ. Московскія администрація сдѣлала по этому дѣлу запросъ въ Театральное Общество. Совѣтъ отвѣтилъ, что подобныя бюро вообще не желательны, такъ какъ ведутъ къ эксплуатаціи артистовъ, а самого предпринимателя аттестовалъ, кажется, немножко въ родѣ моветона. Администрація отказала г. Серполетти въ разрѣшеніи устроить бюро. Считаю Совѣтъ виновникомъ этого, г. Серполетти обратился съ жалобой въ общее собраніе. Послѣ непродолжительныхъ преній, въ которыхъ нѣкоторые члены все-таки успѣли высказать свой взглядъ на кафешантанъ, какъ на разновидность искусства, собраніе высказало желаніе, чтобы Совѣтъ впредь воздерживался отъ дѣйствій, могущихъ имѣть результатомъ умаленіе правъ членовъ Театрального Общества.

С. Свѣтловъ.

Жизнь курилка!..

Новая выходка Центрального Правленія Всероссийскаго Союза сценическихъ дѣятелей.

Б о б ч. Чрезвычайное происшествіе!..
Д о б ч. Неожиданное извѣстіе!..

Гоголь („Ревизоръ“).

Возвратившись на-дняхъ въ С.-Петербургъ, я получилъ изъ Москвы необычайно загадочное сообщеніе, написанное на бланкѣ Всероссийскаго Союза сценическихъ дѣятелей отъ 20 октября № 293 слѣдующаго содержанія (сохраняю орфографію письма неприкосновенно):

„Члену-учредителю В. С. С. Д.—А. Н. Кремлеву.

Милостивый Государь Анатолий Николаевичъ, Центральное Правленіе доводитъ до Вашего свѣдѣнія о состоявшемся 28 августа постановленіи Собранія уполномоченныхъ В. С. С. Д.: „Ни одно изъ обвиненій и положеній въ письмѣ за № 5353 отъ 27 августа, присланномъ В. С. С. Д. А. Н. Кремлевымъ не согласно съ истиной, способъ его выражений по адресу уполномоченныхъ недостойнъ не только члена Союза, но и вообще порядочнаго человѣка, понимающаго, что значитъ общественный долгъ, общій тонъ — слишкомъ вызывающій. Игнорируя личные нападки, Уполномоченные обратили только вниманіе на слишкомъ тяжелое и голословное обвиненіе въ незаконности постановленій и рѣшеній. Это обвиненіе—оскорбленіе всему Союзу и его выборнымъ. И потому *передавая письмо г. Кремлева на обсужденіе этого возмутительнаго случая на будущее время.* Предсѣдательница М. Мондшейнъ. Секретарь Левъ Ждановъ“.

Я уже началъ думать, что въ механизмѣ „центрального правленія“, судя по послѣдней фразѣ письма, выпалъ какой-то винтикъ, подобно органчику въ головѣ щедринскаго градоначальника, какъ вслѣдъ за первымъ письмомъ я получилъ второе, 24 октября слѣдующаго содержанія: „М. Г. Анатолий Николаевичъ. Въ отношеніе Правленія за № 293 по моей винѣ вкралась слѣдующая ошибка: *Написано:* и потому передавая письмо г. Кремлева на обсужденіе этого возмутительнаго случая на будущее время. *Слѣдуетъ читать:* и потому передавая письмо г. Кремлева на обсужденіе Союзаго Суда, оставимъ дальнѣйшее обсужденіе этого возмутительнаго случая на будущее время. Приношу мое извиненіе В. Тосина-Пеняева“.

Такимъ образомъ винтикъ, пропажу котораго не замѣтили ни „предсѣдательница“ Правленія, г-жа Мондшейнъ, ни „секретарь“ Левъ Ждановъ, подписывая свое замѣчательное письмо ко мнѣ, былъ найденъ черезъ 4 дня случайно скромной дѣ-

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Самозванецъ (г. Москвинъ).

— Тѣнь Грознаго меня усыновила...
(Шаржъ). Рис. Ф. Меньшова.

тельницей „правленія“, г-жею Тосиной-Пеняевой. И она же приноситъ „извиненіе!“ Это верхъ деликатности!

Возмутительная новая выходка „центрального правленія“ и его покушеніе нанести мнѣ оскорбленіе только тогда могутъ быть оцѣнены по достоинству, когда мы познакомимся съ тѣмъ моимъ письмомъ, которое „уполномоченные“, по выраженію перваго собранія, „передавая на будущее время“. Это письмо мое отъ 27 августа (9 сентября) 1907 за № 5353 буквально слѣдующее:

„Центральному Правленію Всероссийскаго Союза сценическихъ дѣятелей.

Еще въ письмѣ отъ 31 іюля (13 августа) за № 5302 я, соглашаясь принять на себя представительство Союза въ Общемъ Собраніи Театрального Общества, обращалъ вниманіе Центрального Правленія, что „нахожу предстоящее Собраніе Театрального Общества чрезвычайно важнымъ по своимъ послѣдствіямъ и что ко времени этого Собранія Союзу необходимо окончательно окрѣпнуть и встать на ноги, дабы оказать предстоящему нападенію Совѣта Общества сильный, энергичный организованнй отпоръ“. Изъ послѣдующихъ дѣйствій Правленія, особенно ярко выразившихся во время августовскихъ засѣданій Собранія уполномоченныхъ и изъ дѣйствій этихъ уполномоченныхъ, я убѣдился, что и Центральное Правленіе, и Собраніе уполномоченныхъ не только не сочли нужнымъ обратить вниманіе на серьезность положенія Союза въ настоящую минуту, но вопреки всѣмъ моимъ указаніямъ, лично мною даннымъ на Собраніи и внесеннымъ своевременно по моему требованію въ протоколы, сочли возможнымъ не соблюдать ни основныхъ правилъ (въ родѣ разсмотрѣнія только вопросовъ, означенныхъ въ повѣсткахъ), ни элементарныхъ условій коллегіальнаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ (въ родѣ непрѣмннаго присутствія въ Собраніи не менѣе трехъ членовъ), не говоря уже о томъ, что только полная безтактность позволила уполномоченнымъ такимъ замѣчательныхъ сценическихъ центровъ, какъ Кусково, Проскуровъ и Богородскъ, взять на себя рѣшеніе „важнѣйшихъ вопросовъ“ Всероссийскаго Союза сценическихъ дѣятелей. Само собою разумѣется, что всякія рѣшенія вопросовъ двумя уполномоченными, какъ и рѣшенія вопросовъ, о которыхъ не было послано мѣстнымъ отдѣламъ извѣщенія за 4 недѣли до Собранія, слѣдовательно для рѣшенія которыхъ уполномоченные не могли быть и уполномочены, тѣмъ болѣе, что узнали о нихъ послѣ получения полномочія и даже только въ первый день засѣданія, — всѣ такія рѣшенія незаконны и недѣйствительны. Въ виду изложеннаго я считаю себя вынужденнымъ сложить съ себя полномочіе Союза для представительства въ Общемъ Собраніи Театр. Общества, такъ какъ при допущенныхъ Центральнымъ Правленіемъ и Собраніемъ

уполномоченныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ не считаю возможнымъ взять на себя защиту Союза до отмѣны всѣхъ этихъ незаконныхъ и неправильныхъ дѣйствій установленнымъ порядкомъ. Объ этомъ спѣшу сообщить Центральному Правленію. Членъ-учредитель Союза А. Н. Кремлевъ.

Изъ этого письма очевидно, что „ни одно изъ обвиненій и положеній“, указанныхъ въ сообщеніи „центрального правленія“ за № 293, не подтверждается, всѣ они измышлены и составляютъ пскушение на клевету съ негодными средствами со стороны тѣхъ „уполномоченныхъ“, которые рѣшились составить такое явно недобросовѣстное и клеветническое „постановленіе“, вызывая при этомъ еще къ „достоинству“, „порядочности“ и „общественному долгу“, т. е. именно къ тѣмъ общественнымъ качествамъ, которыя ими нарушены самымъ безцеремоннѣйшимъ образомъ, и притомъ усмотрѣвъ „возмутившія“ ихъ дѣйствія мои только въ моемъ письмѣ, тогда какъ въ теченіи всѣхъ засѣданій августовскаго Собранія уполномоченныхъ, гдѣ только я присутствовалъ, я все время указывалъ на ихъ беззаконія и безцеремоннѣйшее обращеніе съ уставомъ и правилами. Центральное Правленіе только черезъ 2 мѣсяца прислало мнѣ извѣщеніе о необыкновенномъ „постановленіи“, находя, что лучше поздно, чѣмъ никогда. Я думаю, что и опомниться „лучше поздно, чѣмъ никогда“, а потому къ свѣдѣнію Союза и самого „центрального правленія“, а также и „суда Союза“ считаю полезнымъ сообщить слѣдующее:

1. Какъ „центральное правленіе“, такъ и „судъ Союза“ согласно правилъ Союза избираются „собраніемъ уполномоченныхъ“. Между тѣмъ въ явное нарушеніе этихъ правилъ оба союзныхъ учрежденія были избраны, какъ недавно выяснилось, не собраніемъ уполномоченныхъ, а всѣми присутствовавшими въ помѣщеніи Собранія членами Союза, случайными участниками такого незаконнаго избранія. Слѣдовательно ни законно избраннаго „центрального правленія“, ни законно избраннаго „суда Союза“ донинѣ не существуетъ.

2. Если бы такой „судъ Союза“ и существовалъ въ настоящее время, законно избранный, то въ силу существующаго „положенія о судѣ Союза“ вѣднію этого суда могли бы подлѣжать только „разсмотрѣніе и разрѣшеніе недоразумѣній и споровъ между членами Союза, возникшія на почвѣ ихъ профессиональной дѣятельности“, или „между членами Союза и лицами не принадлежащими къ Союзу, если послѣднія выражать согласіе и обяжутся подчиниться рѣшенію суда Союза“, — и слѣдовательно дикое постановленіе „уполномоченныхъ“, неимѣющее никакого отношенія къ какой бы то ни было профессиональной дѣятельности, ни въ какомъ случаѣ не подлѣжало бы компетенціи „суда Союза“.

3. Наконецъ, такъ какъ въ силу существующихъ правилъ о собраніяхъ уполномоченныхъ „программа занятій должна быть оповѣщена по меньшей мѣрѣ за 4 недѣли до дня Собранія“, а въ разосланной по мѣстнымъ отдѣламъ „программѣ“ августовскаго Собранія ни одного слова не говорилось о какомъ-либо моемъ письмѣ, то „уполномоченные“, допустивъ нетерпимую въ общественномъ дѣлѣ развязность въ обращеніи съ чужими именами, въ то же время явно превысили свою власть и свои полномочія, и „постановленіе“ ихъ относительно моего письма № 5353 явно незаконно и потому недействительно.

Въ виду всѣхъ настоящихъ разъясненій я надѣюсь, что такъ называемое и незаконно дѣйствующее „центральное правленіе“ не только оставитъ меня въ покоѣ, но и само признаетъ себя не существующимъ или по крайней мѣрѣ существующимъ только по недоразумѣнію.

Членъ-Учредитель Союза *Анатолій Кремлевъ*.

Новыя изданія „Театра и Искусства“.

„Порядочные люди“. Этоудъ въ 5 картинахъ К. Острожскаго. Ролей въ пьесѣ: 8 ж. и 16 м. Главныя роли по амплуа распределяются такъ: княгиня Ксенія—молодая героиня, Элли—*ingénue comique*, баронесса Лебрихъ—*grande-dame*, княжна Лили—2-я *ingénue*, Вобъ—любовникъ, Алексъ—*jeune comique* (молодой фатъ), Каринъ—фатъ-любовникъ, Сандровъ—резонеръ-фатъ, Ломжинъ—характерный любовникъ. Остальныя роли слѣдуетъ отнести къ числу такъ называемыхъ „аксессуарныхъ“. Декораціи въ пьесѣ 4: 1 к.—богатый кабинетъ князя Можайскаго, 2 и 4 к.—веранда на дачѣ кн. Можайск. въ Павловскѣ, 3 к.—залъ на дачѣ баронессы Лебрихъ въ Павловскѣ, 5 к.—кабинетъ Ломжина на его городской квартирѣ въ Петербургѣ. Для декораціи 1 картины предпочтительны темныя тона, мебель кожаная, массивная и вся вообще обстановка нѣсколько мрачнаго характера. Декорація 2-й к. должна быть въ яркихъ, свѣтлыхъ тонахъ, мебель—легкая, плетеная, смѣшана съ будуарной свѣтлаго рисунка. Общій *ensemble*—легкій, ажурный, изящная простота, ничего крикливаго. О декораціи и обстановкѣ 3 к. можно повторить въ общихъ чертахъ

тоже самое, но больше яркости, блеска и роскоши. Кабинетъ писателя Ломжина (5 к.)—уютная комната холостяка. Мебель мягкая, низкая, покойная. Стѣны увѣшаны портретами извѣстныхъ писателей. Костюмы—современные.

Въ 1 картинѣ всѣ дамы въ черныхъ, траурныхъ платьяхъ, мужчины—во фракахъ и сюртукахъ при черныхъ галстукахъ. Военные—въ мундирахъ и съ крѣпомъ на рукавѣ. Въ остальныхъ картинахъ—легкіе, свѣтлые, лѣтніе костюмы. Постановка пьесы не представляетъ особыхъ затрудненій ни въ декоративномъ, ни въ вообще режиссерскомъ отношеніяхъ. Единственно, что режиссеру слѣдуетъ отмѣнить наиболее ярко въ общемъ тонѣ исполненія—это основную мысль автора, что персонажи его пьесы „порядочные люди“ въ ковычкахъ и потому съ внѣшней стороны въ высшей степени безукоризненны, корректны и, если можно такъ выразиться, респектабельны. Диалогъ долженъ вестись легко, непринужденно, весело, такъ сказать, скользить даже по наиболее серьезнымъ темамъ. Не лишнее отмѣтить слѣдующія детали въ постановкѣ этой пьесы на сценѣ Спб. Малаго театра: 1) въ 1 карт. явл. 2 передъ словами Сандрова: „кажется, кончилось“ изъ залы, гдѣ происходитъ панихида, проходитъ въ среднюю дверь монашка-чтица и 2) въ 5 карт.—при поднятій занавѣса сцена освѣщена только луннымъ свѣтомъ изъ средняго окна. При выхолѣ Ксеніи, „Сергѣй Петровичъ“ Ломжинъ перестаетъ играть на роялѣ и зажигаетъ электрическую лампу на письменномъ столѣ. Продолжительность пьесы—2½ часа.

Въ *сумеркахъ разсвѣта*“. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ Б. Гейера. Пьеса эта, шедшая съ успѣхомъ въ прошломъ сезонѣ на сценѣ новаго Василеостровскаго театра у г. Н. А. Попова, и принятая къ постановкѣ въ театрѣ Корша, написана на современныя темы, съ благодарными для исполнителей ролями. Оптимизмъ автора и общій бодрый тонъ пьесы въ наше время „разбитыхъ надеждъ“ слѣдуетъ приветствовать, хотя-бы за однѣ эти вышеуказанныя достоинства. Главныя персонажи пьесы: Молотовъ—любовникъ-неврастеникъ, Волжская—пожилая героиня, Вѣра—*ingénue dram.*, Петя—гимназистъ 14-ти лѣтъ (*jeune comique*), Стаховъ—комикъ-резонеръ, Гординъ—любовникъ, Савельичъ, студентъ—характерная роль, Управляющій—комикъ, Липова—молодая характерная, Рѣчкинъ—бытовой простакъ. Декораціи въ пьесѣ 4: 1-е д.—садъ въ имѣніи Волжской съ террасой богатаго помѣщикаго дома и видомъ на село; 2-е—Столовая въ домѣ Волжской съ дверью и окнами на террасу сада. 3-е—Кабинетъ Молотова въ квартирѣ Волжской въ городѣ. 4-е—Бѣдно обставленная комната въ студенческихъ меблированныхъ номерахъ. Въ режиссерскомъ отношеніи наиболее сложными представляются 2-й и 4-й акты, и въ отношеніи 2-го акта (сцена пожара) требующіе тщательной рѣпетовки и особенной отчетливости въ воспроизведеніи всего „закулиснаго“ дѣйствія: отдаленный шумъ, набатъ, зарево, гроза и проч. Въ отношеніи отдѣльных исполнителей можно ограничиться указаніемъ на то, что роли говорятъ сами за себя и трудностей въ смыслѣ психологическомъ не представляютъ. Продолжительность пьесы безъ антрактовъ—1½ часа.

Нравственные тревоги и терзанія большей части Саратовскаго общества, въ виду ужаснаго „Пробужденія весны“ и возмутительнаго появленія „Черныхъ вороновъ“.

(Листокъ, распространяемый въ Саратовѣ. См. передовую настоящаго №).

По истинѣ это *черная* стая сухихъ *вороновъ*,—безнравственная и бездарная труппа актеровъ, евреевъ и бывшихъ русскихъ людей—налетѣла на нашъ бѣдный городъ: она издала почуяла трупный запахъ отъ разлагающихся здѣсь въ нѣкоторой средѣ органическихъ устоевъ нравственности и общестственности, этихъ жизненныхъ началъ растерзанныхъ такъ еще недавно бушевавшимъ здѣсь революціонно-убійственнымъ (освобождающимъ отъ жизни) движеніемъ. Да, налетѣли „*черные вороны*“... Но, вѣдь, начавшееся кое-гдѣ теперь смрадное разложеніе, именуемое на безнравственномъ еврейскомъ жаргонѣ „Пробужденіемъ весны“ и не могло, конечно, привлечь къ себѣ и сопровождаться появленіемъ невинныхъ и чистыхъ ласточекъ, а именно лишь появленіемъ „черныхъ вороновъ“: *какова весна, таковы и птички перелетныя*.

Однако же въ области нравственной и религіозной нельзя оставаться спокойными и какъ бы безучастными наблюдателями неизбежнаго, повидимому, сосуществованія и послѣдовательности злыхъ и мертвящихъ душу явленій: для людей, оставшихся еще живыми, необходимо всѣми своими силами противостоять наглому демоническому движенію, стремящемуся все живое, нравственное, святое низвергнуть во мракъ душевной смерти и нравственнаго забвенія и затѣмъ все окутать ужаснымъ гніеніемъ и смрадной атмосферой общаго разврата и пороковъ: О, страшный сонъ! Ужасное забвеніе!

Да, не напрасно вѣрующая и вѣрная правиламъ нравственности часть Саратовскаго общества встревожилась и заволновалась, наблюдая ужасное „Пробужденіе весны“ и возмущительное появленіе „Черныхъ вороновъ“: въ большей части Саратовскаго общества, неподдавшейся смертоносному разложению, повсюду слышенъ теперь ропотъ, негодованіе, озлобленіе...

Православные приходскіе пастыри возмущились въ высшей степени; оо. законоучители составили свое чрезвычайное собраніе и рѣшили принять всѣ мѣры противодѣйствія ужасному злу нравственнаго растлѣнія юношества и вытравливанія въ средѣ юношества и всего общества религіознаго чувства и Начальникъ губерніи оказалъ свое содѣйствіе обществу и, сколько могъ, пугнулъ „Черныхъ вороновъ“... Въ виду происходящихъ естественныхъ тревогъ и нравственныхъ терзаній и Саратовскаго общества, православный Саратовскій Епископъ вынужденъ былъ послать слѣдующую телеграмму въ С.-Петербургъ, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода:

Въ Саратовскихъ театрахъ много разъ исполнены возмущительныя пьесы, первая—„Пробужденіе весны“, разсчитанная на растлѣніе нравственнаго чувства русскаго общества, въ особенности юношества, вторая—„Черные вороны“; эта послѣдняя нѣсколько прикровенно, хотя, впрочемъ, съ весьма прозрачными подчеркиваніями и прибавленіями внѣ программы въ каррикатурной и крайне оскорбительной для религіознаго чувства формѣ, осмѣиваетъ монашество, отца Іоанна Кронштадтскаго, его почитателей; для осуществленія или, вѣрнѣе сказать, воплощенія этого возмущительнаго замысла въ сценическихъ формахъ, (замѣняющихъ собою здѣсь обычный словесно-критическій языкъ литературныхъ статей) лукаво придумана совершенно невозможная и вовсе несуществующая какая-то яко-бы секта; съ прозрачными подчеркиваніями, ярко раскрывающими злостный замыселъ пьесы, каррикатурно обрисованы духовно-нравственныя черты этой фантастической секты, ея отношенія къ какому-то святому „отцу“, къ какой-то „матушкѣ“, украшенной, между прочимъ, вокругъ головы, прислоненной къ стѣнѣ, какимъ-то свѣтовымъ нимбомъ изъ электрическихъ лампочекъ; столь же каррикатурно и возмущительно пошло высмѣивается обычное для всякаго вѣрующаго русскаго человѣка религіозное чувство въ общественной и частной благотворительности; при всемъ этомъ, на сценѣ употребляются церковныя свѣчи, свѣтильники, монашескія одѣянія, произносятся нѣкоторыя обычныя церковно-молитвенныя слова и выраженія, поются даже церковныя пѣснопѣнія, напримѣръ: „Да исправится молитва моя“ и т. п. Повторяю, что „Черные вороны“ (безнравственные актеры) скрытый возмущительный замыселъ фантастической пьесы своей прозрачно всегда подчеркиваютъ нѣкоторыми выраженіями и дѣйствіями, допускаемыми помимо программы. Саратовское общество, вѣрующее и держащееся нравственныхъ правилъ, возмущено ужасно. Начальникъ губерніи все сдѣлалъ, что могъ для успокоенія возмущеннаго чувства общества: „черные“ актеры значительно убавили свои подноя и возмущительныя подчеркиванія и прибавленія помимо программы; однако, сущность злостнаго замысла и даже форма его выраженія отъ этого измѣнились въ общемъ не такъ значительно и замѣтно, и народъ оскорбленно ропщетъ, волнуется по прежнему; депутаціи являются ко мнѣ буквально каждый день: необходимо рѣшительное распоряженіе и успокоеніе со стороны высшей правительственной власти. Почитаю своимъ архипастырскимъ долгомъ засвидѣтельствовать мучительно пережитымъ опытомъ 1905 года, что упомянутыми нынѣшними зрѣлищами, какъ банкетамъ и митингами того времени, наше общество, въ особенности юношество, деморализуется и растлѣвается въ крайней степени: одна часть общества въ религіозномъ отношеніи, другая—въ политическомъ, послѣдняя выражаетъ сильное недовольство и рѣзкія порицанія противъ власти, какъ духовной, такъ и свѣтской. Въ виду всего изложеннаго усерднѣе и неотступно умоляю Ваше Высокопревосходительство отъ лица всего нашего вѣрующаго общества Саратовскаго, похотѣйте ради Бога о немедленномъ запрещеніи названныхъ зрѣлищъ хотя-бы въ предѣлахъ нашей несчастной губерніи Саратовской: вновь и вновь молю Васъ, ради Бога исполните эту волюющую мою просьбу для спасенія „малыхъ сихъ“ погибающихъ,—однихъ отъ соблазна, другихъ—отъ недовольства, чувства озлобленія, ожесточенія... Сердечно прошу отвѣтить телеграммой для успокоенія оскорбленной и всею ропшущей части Саратовскаго общества“.

Гермоіенъ Епископъ Саратовскій и Царицынскій.

Малехъкая хрохика.

*** Надпись на боковыхъ дверяхъ одного провинціального театра. Текстуально:

„Входъ для публики для выхода во время пожара“.

*** Объ авторскихъ суевѣріяхъ. Модный французскій писатель Анри Бернштейнъ („Вихрь“, „Воръ“ и др.) въ каждой

пьесѣ сохраняетъ для одного изъ дѣйствующихъ лицъ фамилію Замбо.

„Это приносить мнѣ счастье“, говоритъ онъ. Въ новѣйшей его пьесѣ „Самсонъ“ имѣется также свой Замбо, охраняющий, какъ домашній „ларъ“, успѣхъ Бернштейна.

*** „Петербург. Газета“ завела интервью по телефону. Въ театральныхъ афишахъ было объявленіе, что „Король“ отмененъ по болѣзни М. Г. Савиной.

— „Вѣрно ли это?—спросили мы по телефону Марью Гавриловну.

— Вѣрно, — послышался знакомый, но сильно охрипшій голосъ. Вы слышите, какъ я хриплю?.. Пьеса отложена изъ-за моей болѣзни, а вовсе не по другимъ причинамъ, о которыхъ пишутъ въ газетахъ“...

„Пожалуйста опровергните выдумку (!), что пьеса отложена по какимъ-то особымъ соображеніямъ, до Государственной Думы“...

Быть можетъ, дѣйствительно, г-жа Савина хрипитъ, но фактъ тотъ, что г-жа Савина нѣсколько преувеличиваетъ значеніе своей хрипоты.

Причина, по которой отложенъ „Король“, не имѣетъ ничего общаго съ хрипотой г-жи Савиной. Объ этомъ хорошо извѣстно театральнымъ и литературнымъ кругамъ. Не всѣ концы и начала связаны съ г-жей Савиной... Причина—рабочій митингъ во второмъ актѣ, который придаетъ пьесѣ г. Юшкевича очень опредѣленный смыслъ анти-буржуазной драмы. Но если г-жа Савина думаетъ, что все изъ-за нея — хорошо, пусть будетъ такъ.

Пожаръ Солодовниковскаго театра.

(Письмо изъ Москвы).

30 октября въ 5 часовъ утра вспыхнулъ пожаръ въ оперномъ театрѣ Солодовникова, въ результатъ котораго отъ театра остались однѣ развалины. Въ огнѣ погибли инструменты музыкантовъ: арфа, три контръ-баса, виолончель и литавры, а также и, стоявшее въ помѣщеніи для оркестра, пианино. На сценѣ сгорѣли буквально всѣ декорации, фистъ-гармонія, машина для летающаго балета въ оп. „Орфей въ аду“, присланная изъ Петербурга. Общая хоровая уборная (мужская) и бутаторная уничтожены, уборныя артистовъ, артистокъ и женскаго хора уцѣлѣли, уцѣлѣло также помѣщеніе, гдѣ былъ гардеробъ, но все имущество, какъ артистовъ, находившееся въ уборныхъ, такъ и гардеробъ г. Кожевникова, испорчено, залито воюю и прокопчено дымомъ. Удалось спасти въ отношеніи хорошемъ видѣ полную бібліотеку (очень незначительно подмоченную).

Труппа находится въ ужасномъ положеніи. Лица, служившія на жалованіи, удовлетворены г. Кожевниковымъ по 1 ноября, бывшія на маркахъ ничего не получили, такъ какъ имъ ничего и не причиталось получить; за полумѣсяцъ, съ 15 октября по 30-е, взято около 14 тысячъ, а для обязательнаго расхода за 1/2 мѣсяца необходима сумма въ 16 тысячъ—слѣдовательно марка за истекшій полумѣсяцъ дала минусъ.

Какъ оба Императорскіе театра, такъ и частные: гг. Зимина, Корша, Сабурова, Художественный идутъ на встрѣчу нуждающейся труппѣ б. Солодовниковскаго театра. Въ Императорскихъ театрахъ (Большомъ и Маломъ) будутъ даны спектакли-концерты, по одному въ каждомъ, кромѣ того артисты Солодов. т-ва хлопочутъ передъ г. министромъ Двора, чтобы разрѣшили имъ въ одну изъ субботъ поставить въ Б. театрѣ самостоятельный спектакль собственными силами. Въ театрѣ г. Зимина будетъ данъ спектакль соединенными силами артистовъ и хора г. Зимина и Солодовниковскаго театра. Г. Коршъ даетъ два спектакля, г. Сабуровъ и администрація Художественнаго театра—по одному спектаклю. Кромѣ этого, исключительно въ пользу только хора и оркестра, 4 ноября, въ воскресенье, въ залѣ московской Консерваторіи, подъ управленіемъ г. Купера данъ будетъ симфоническій концертъ. Залъ предоставленъ для этого концерта совершенно бесплатно. Товарищество артистовъ всѣми силами стремится не дать дѣлу разпасться и хлопочетъ взять театр „Буффъ“, чтобы въ немъ продолжать дѣло на полныхъ товарищескихъ началахъ, т. е. чтобы въ число товарищей, работающихъ на пахъ, включить также хоръ, балетъ и оркестръ. Театръ „Буффъ“ свободенъ, опереточные спектакли въ немъ прекратились.

Пожаръ Солодовниковскаго театра несомнѣнно крупное событіе въ оперномъ мірѣ—уничтоженъ одинъ изъ огромнѣйшихъ театровъ, питавшій такое количество артистовъ, хора и оркестра, котораго вполне достаточно, чтобы оборудовать два солидныхъ провинціальныхъ дѣла.

Послѣдствія пожара осязательно будутъ учтены оперными дѣятелями въ слѣдующемъ зимнемъ сезонѣ, когда на театральномъ рынкѣ окажется до 300 человѣкъ свободныхъ, постоянно имѣвшихъ мѣсто въ Солодовниковскомъ театрѣ. Сейчасъ тяжело непосредственно только массѣ работавшихъ въ сгорѣв-

шемъ театрѣ, а въ будущемъ сезонѣ тяжесть пожара почувствуютъ и другіе оперные дѣятели, встрѣтившись съ печальною дѣйствительностью—огромнѣйшею конкуренціею. *Н. Н.*

По Провихціи.

Астрахань. П. П. Струйскій придерживается той точки зрѣнія, что нужно ставить пьесы на разные вкусы: въ октябрѣ у него прошли: „Дѣти Ванюшина“, „Гибель Надежды“, „Слушай, Израиль“, „Чужие“, „Супружеское счастье“, „Лѣтнія грезы“, „Убѣжище“, „Есть у васъ что предъявить“ и др.

Баку. Итальянская оперная труппа бр. Гонсалесъ заканчиваетъ здѣсь свои гастроли и уѣзжаетъ въ Петровскъ и Владикавказъ. За послѣднее время дѣла ея поправились.

Вильна. Послѣ перваго представленія, „Черные вороны“ сняты съ репертуара по распоряженію администраціи.

Казань. „Казанскій Вечеръ“ сообщаетъ, что между антрепренеромъ гор. театра и хористами возникли недоразумѣнія на почвѣ штрафовъ. Хористы и хористки отказались участвовать въ очередной репетиціи. Антреприза приглашала въ театрѣ полицію по этому поводу.

Кіевъ. Репертуаръ истекшей недѣли: „Пробужденіе весны“, „Электра“, „Лорензаччо“, „Власть тьмы“, „Уриель Акоста“ (юбилейный спектакль 30 октября - г. Орлова-Чужбинина). Готовятся къ постановкѣ: „Пляска семи покрывалъ“, „Пыль райскаго дерева“, „Богъ мести“ и „Грѣхъ“ Ш. Аша, „Объ одномъ шутѣ“ Ризнера.

— Сборы въ городскомъ театрѣ за послѣднее время замѣтно упали. Съ цѣлью, вѣроятно, улучшенія дѣлъ, дирекція рѣшила оживить репертуаръ и ставить рядъ новинокъ. 27-го октября идетъ опера В. Ребикова „Елка“, 31-го октября—„Царь-плотникъ“. Затѣмъ, въ ближайшую очередь будетъ поставлена опера Ж. Массенэ „Манонъ Леско“ и возобновлена опера „Сингурочка“ Римскаго-Корсакова.

Кременчугъ. Во время исполненія пьесы Юшкевича -- „Голодъ“ за сценой раздалось пѣніе марсельезы. Послѣ спектакля у артистовъ были произведены обыски.

Послѣ этого начались репрессіи противъ „современныхъ пьесъ“, „жидовскихъ“ по терминологіи мѣстной администраціи. Предполагавшаяся къ постановкѣ пьеса Октава Мирбо „Жанъ Руль“ не разрѣшена. Антрепренери г-жа Анничкова созываетъ экстренное засѣданіе для обсужденія мѣръ къ устраненію репрессій. Въ случаѣ, если это не удастся, она предполагаетъ закрыть театрѣ.

Николаевъ. Цикль ибсеновскихъ пьесъ въ труппѣ г. Каралли-Торцова открылся постановкой „Бранда“. Заглавную роль игралъ г. Поплавскій. Мѣстная газета „Утрен. курьеръ“ находитъ, что „въ общемъ при всѣхъ недочетахъ, видно, что артистъ сталъ на твердую почву и толкуетъ свою роль вѣрно“. Газета, вообще, довольна. Но совсѣмъ не хорошо звучатъ послѣднія строки рецензіи:

„Пьеса слишкомъ сокращена, въ ущербъ художественности и смыслу“.

Задавшись широкимъ замысломъ—поставить циклъ ибсеновскихъ пьесъ, г. Каралли-Торцовъ не брезгаетъ и пьесами чуть-чуть пониже „Бранда“: „Баскервильская собака или адскій пѣсѣ“, „Домашній столъ“ и т. п. занимаютъ въ репертуарѣ почетное мѣсто. Поставлены также „Пробужденіе весны“, „Мораль пани Дульской“ и др.

Одесса. Послѣднія постановки гор. театра: „Три сестры“ Чехова, „Сѣверные богатыри“ Ибсена, „Чудо странника Антонія“.

Ростовъ-на-Дону. Играющая здѣсь драматическая труппа С. И. Крылова 18-го ноября заканчиваетъ свои спектакли и перебирается въ Таганрогъ; ей на смѣну въ ростовскій театрѣ пріѣдетъ новочеркасская драма, которая пробудетъ здѣсь мѣсяцъ. Съ Рождества — спектакли оперетки изъ Таганрога, усиленной новыми персонажами.

Рязань. Въ то время, какъ въ Москвѣ дирекція ибсеновскаго Художественнаго театра, не успѣвъ начать сезонъ, ликвидировала дѣло и распустила труппу, здѣсь сезонъ благополучно открылся 22 октября слѣд. пьесами: „Ночи безумныхъ“ г. Деленева, „Вѣчность въ мгновеніи“ г-жи Щепкиной-Куперникъ и „Первый и послѣдній поцѣлуй“ г. Ге.

Объявлены гастроли (!) артистовъ „московскаго ибсеновскаго театра“ В. Н. Чемисовой и М. М. Тамзрина.

Въ афишѣ преподанъ публикѣ цѣлый курсъ „приличнаго обхожденія“:

„Занимать мѣста просятъ послѣ перваго звонка. Послѣ удара колокола поднятіе занавѣса, и входъ въ залъ не допускается (какъ будто не совсѣмъ грамотно). Входъ въ залъ во время дѣйствія строго воспрещается для сохраненія цѣлости впечатлѣній“.

„Строго воспрещается“—терминъ, заимствованный изъ полицейской практики и ни съ какой стороны не отвѣчаетъ духу „ибсеновскаго Художественнаго театра“.

Назначеніе „инспектора“ театра (есть въ этомъ театрѣ и такая должность) повидимому слѣдитъ за поведеніемъ публики.

Самара. Репертуаръ труппы Н. Д. Кручинина за октябрь, „Недруги“, „Потемки души“, „Гроза“, „Послѣдняя жертва“, „Безпечальные“ („Волна“), „Братья помѣщики“, „Мораль пани Дульской“, „Нюбю“, „Василиса Мелентьева“, „По гривенничку за рубль“ и др. На 26-е октября объявленъ „Король“ (?). Г. Кручининъ считаетъ лишнимъ въ газетныхъ объявленіяхъ указывать имя автора (исключеніе сдѣлано лишь для Евтихія Карпова—представлено будетъ новая пьеса Евтихія Карпова „Недруги“), а потому изъ газетнаго объявленія не видно, какого „Короля“ онъ ставитъ.

Состоялись бенефисы: А. И. Каширина („Горнозаводчикъ“) и Е. М. Вейманъ („Полудѣвы“).

Саратовъ. Послѣ 14-го представленія въ театрѣ Очкина и нѣсколькихъ спектаклей въ городскомъ и общедоступномъ театрахъ, „Черные вороны“ по распоряженію администраціи сняты съ репертуара. Также послѣдовало изъ Петербурга распоряженіе, очевидно—въ отвѣтъ на ходатайство епископа Гермона, о снятіи съ репертуара „Пробужденія весны“.

По этому поводу состоялось совѣщаніе артистовъ всѣхъ трехъ труппъ. Рѣшено обжаловать означенное распоряженіе. Кромѣ того, артисты рѣшили коллегіально привлечь къ суду, за оскорбительныя выраженія по адресу ихъ, автора раздававшегося на улицахъ печатнаго воззванія.

Ставрополь губ. На истекшей недѣлѣ въ театрѣ Л. Б. Яворской были поставлены подъ-рядъ двѣ новинки „Местъ Моріани“ и „Эросъ и Психея“. Готовится къ постановкѣ: „Пробужденіе весны“ и „Свѣтлый царь“.

Тифлисъ. Полиціймейстеръ воспретилъ Л. Б. Яворской ставить по воскреснымъ днямъ пьесы въ родѣ „Богъ мести“ и „Нравственность пани Дульской“. Это что-то уже совсѣмъ ново!.

Харьковъ. Въ гор. театрѣ прошла новинка „Пробужденіе весны“. Дальнѣйшій репертуаръ прежній—„Дѣльцы“, „Сестра Беатриса“ и „Нравственность Дульской“.

Въ театрѣ Грикке репертуаръ—„Мадамъ Санъ-Женъ“, „Сестра Тереза“, „Еврей“, „Лѣсъ“ и др. Здѣсь также намѣчено къ постановкѣ „Пробужденіе весны“.

Харьковъ. По настоянію союзниковъ воспрещена постановка въ гор. театрѣ пьесъ: „Черные вороны“ и „Эросъ и Психея“.

Херсонъ. О желаніи арендовать городской театрѣ, поступили заявленія отъ актера Н. А. Раковского и кн. И. В. Мамлѣва-Погуляева.

Провихціальная лѣтопись.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Труппа П. П. Медвѣдева. Зимній сезонъ въ городскомъ театрѣ открылся 28-го сентября пьесой „Джентльмэнъ“. За это время поставлены слѣд. пьесы: „Мѣшане“, „Дѣти Солнца“, „Перекааты“, „Ревизоръ“, „Василиса Мелентьева“, „Каширская старина“, „Отравленная совѣсть“, „Отжитое время“, „Высшая школа“, „Дѣти Ванюшина“, „Местъ“, „Маріани“, „Обреченные“, „Всѣхъ Скорбящихъ“, „Клоунъ“, „Друзья-пріятели“, „Гибель Солома“ и „Самородокъ“.

На будущее время изъ новинокъ намѣчены и готовятся къ постановкѣ „Стѣны“, „Жизнь человѣка“, „Волна“ (Безпечальные), „Хаосъ“, „Богъ мести“, „Черные вороны“ и другіе.

Поставлено, между прочимъ, нѣсколько утренниковъ и общедоступныхъ спектаклей. Утренники прилежали главнымъ образомъ учащуюся молодежь.

Собеннаго вниманія заслуживаютъ прививаемые П. П. Медвѣдевымъ такъ наз. „общедоступники“, которые ставятся разъ въ недѣлю по средамъ и благодаря до минимума уменьшеннымъ цѣнамъ даютъ возможность псѣщать театрѣ небогатому классу населенія. Удачнымъ составомъ труппы и вполне добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу труппа начинаетъ завоевывать симпатіи мѣстныхъ театраловъ.

ВИТЕБСКЪ. 30 сентября открылся сезонъ драматической труппы Е. А. Бѣляева. Сборъ былъ переполненный Г. Бѣляева, державшаго у насъ антрепризу уже 2-й сезонъ, встрѣтили хлѣбомъ-солью, засыпали билетами.

Для открытія шла пьеса „Хаосъ“, въ которой съ успѣхомъ дебютировалъ новый режиссеръ Я. А. Славскій. Пьеса поставлена очень хорошо и прошла съ ансамблемъ.

Затѣмъ прошли пьесы „Вѣзъ солнца“, „Честный человѣкъ“, „Слушай Израиль“, „Новсе дѣло“, „Рабыни веселья“, „Отмѣтка въ поведеніи“. Труппа съ каждымъ спектаклемъ все больше и больше завоевываетъ симпатіи публики. Изъ отдѣльных исполнителей выдѣляются г-жи Гордонъ, Херувимова, Липманъ, Романова и Алинская; гг. Горсткинъ, Бѣляевъ, Верте, Востоковъ, Херувимовъ. Изъ молодыхъ—гг. Моревъ, Кадминъ и Лазаревъ. Сборъ пока прекрасный. Пьесы проходятъ съ ансамблемъ и хорошо обставляются. Пріятно отмѣтить н.с.вовведеніе—отсутствіе суфлерской будки.

Старый театралъ.

ТОМСКЪ. Ни одинъ лѣтній сезонъ не былъ на столько богатъ развлечениями въ Томскѣ, какъ минувшій. Въ лѣтнемъ театрѣ „Буффъ“ въ саду Макаровой, подъ управленіемъ Морозова, давались сначала опереточные спектакли, о которыхъ я своевременно сообщалъ; затѣмъ—спектакли малороссійской труппы. На открытой сценѣ фигурировали шансонетныя пѣвицы, различные жонглеры, фокусники, хоры, происходила борьба атлетовъ и т. п. Затѣмъ шансонетка процвѣтала на открытой сценѣ въ саду при ресторанѣ И. Г. Горланова и при ресторанѣ „Биржа“. Все это привлекало публику, хотя, можетъ быть, и не въ томъ количествѣ, на какое рассчитывали господа устроители увеселеній. Но въ убытокъ врядъ ли остался кто изъ нихъ. Не получили, правда, лѣвиныхъ барышей, но барыши, все-таки, были. Въ малороссійской труппѣ пальму первенства слѣдуетъ отдать г-жѣ Иваненко,—дѣйствительно способной, даровитой артисткѣ. Остальные, входящіе въ составъ труппы, были или большія полезности, или даже посредственности.

Съ 15 сентября открылся зимній сезонъ. Въ общественномъ собраніи играетъ драматическая труппа М. И. Каширина и С. П. Невѣрина, поставившая для открытія „Трехъ сестеръ“ Чехова. Составъ труппы весьма удовлетворительный и полный. Пока были даны „Гибель Содома“ Зудермана, „Одинокіе“ Гауптмана, „Послѣдняя воля“ Вл. Немировича-Данченко, „Фарисей“ Запольской, „Гибель Надежды“ Гейерманса, „Снѣгурочка“ и друг. Зарекомендовали себя, какъ безспорно даровитые, г-жи Е. В. Айвазовская, Е. Ф. Волховская, О. Н. Кремерецкая, Н. Ф. Амосова и гг. Н. А. Раковский, С. П. Невѣринъ, Н. Ф. Костромской и А. С. Тарвинъ. Хорошими исполнителями являются также г-жи А. К. Дубровская и гг. Стариковскій и Желябужскій. Пьесы, болѣею частью, проходятъ съ ансамблемъ, и исполненіе производитъ вполне благоприятное впечатленіе, несмотря на недостатокъ зрительнаго зала собранія въ акустическомъ отношеніи. Особеннымъ успѣхомъ пользуются гг. Раковский, Невѣринъ и Костромской и г-жи Айвазовская, Каменецкая, Волховская и Амосова. А между тѣмъ спектакли не даютъ полныхъ сборовъ и посѣщаются не особенно усердно. Здѣсь, обыкновенно, когда нѣтъ драмы, кричатъ о необходимости ея, ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ оперетку, имѣющую якобы развращающее вліяніе на массу; а пріѣзжающія опереточная труппа со сколько-нибудь сноснымъ составомъ, и публика наполняетъ театры, и плохіе сборы въ опереткѣ рѣдкое исключеніе. Кромѣ профессиональной труппы, у насъ еженедѣльно даются спектакли кружками любителей въ коммерческомъ собраніи (гдѣ разъ въ недѣлю по субботамъ также ставятся спектакли труппой Каширина и Невѣрина по особому приглашенію совѣта старшинъ собранія) и въ бесплатной библиотекѣ другимъ кружкомъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, а также существующимъ въ Томскѣ драматическимъ обществомъ. Ремесленное общество тоже даетъ спектакли. Въ числѣ любителей есть много полезностей и не лишенныхъ дарованія. Спектакли любительскіе охотно посѣщаются членами собраній. Но и шансонетка продолжаетъ процвѣтать. Въ зимнихъ помѣщеніяхъ ресторана Морозова, Горланова и „Биржи“ шансонетныя пѣвицы, хоры, рассказчики и т. п. Есть еще циркъ, театр „Иллюзіонъ“, звѣринецъ.

Всеволодъ Сибирскій.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ. Для первой половины сезона въ Екатеринбургѣ и второй въ Перми А. А. Левицкимъ сформирована оперная труппа въ слѣдующемъ составѣ: г-жи Гарина (драм. сопрано), Познякова и Тяжелова (лирико-драм. сопрано), Тиманина (лирико-колоратурное), Мальвинская и Аксакова (меццо-сопрано), Повалов-Швейковская (контральто), Энгельгардъ, Спиридонова и Петрова (компимари). Гг. Костяковъ и Бурцевъ (драм. тенора), Хлюстинъ и Долгинъ (лирическіе тенора), Мадаевъ (драм. баритонъ), Обуховъ (лирико-драм. баритонъ), Степановъ (лирическій баритонъ), Монаховъ, Березнеговскій и Маракинъ-Морозовъ (басы), Усыкинъ, Ясинъ, Разумновъ и Эзрохъ (компимарио). Главный режиссеръ—г. Альтшулеръ, помощникъ—Николаевскій. Дирижеры гг. Шаевичъ, Столерманъ и Симичъ. Концертмейстеръ—Комаръ-Гацкая. Суфлеръ—Корвейнъ. Балетъ—изъ трехъ паръ, подъ управленіемъ Зысковскаго. Хоръ изъ 28, оркестръ—24 человекъ. Декораторъ—Кувалдинъ. Костюмеръ—Богусевскій, Бутафоръ—Алексѣевъ. Парикмахеръ—Зильбербергъ. Машинистъ—Русскихъ.

Опера играетъ въ Народномъ домѣ (Верхъ-Исетскій театр). Городской театр, послѣ прошлогодней печальной антрепризы Овсянникова-Ордынскаго, нынѣ заколоченъ.

Открытъ сезонъ 29 сентября „Аидой“. Не смотря на то, что опера была поставлена послѣ двухъ-трехъ репетицій, въслѣдствіе того, что не вся труппа собралась къ сроку, художественный успѣхъ спектакля былъ полный. Материальный успѣхъ перваго спектакля былъ также полный. Сборъ былъ максимальный—1034 рубля безъ вѣшалки и благотворительнаго сбора. Надо добавитъ, что комитетъ попечительства народной трезвости, которому В. Исетскій театръ принадлежитъ въ виду того, что бюджетъ антрепризы дошелъ до 13,000 р. въ мѣсяцъ, повысилъ плату за мѣста первыхъ 12 рядовъ на 15 процентовъ. Только благодаря этому, полный сборъ пре-

вышаетъ нынче 1000 р. Вторымъ спектаклемъ шель „Евгеній Онѣгинъ“. Сборъ былъ около 700 р.

За первую двѣ недѣли со дня открытія сезона были поставлены: „Аида“, давшая съ благотворительнымъ сборомъ въ вѣшалку 1,181 р. 75 к., „Евгеній Онѣгинъ“—660 р. 65 к., „Русалка“—976 р., „Карменъ“—730 р. 37 к., „Риголетто“—418 р. 96 к., „Пиковая дама“—883 р. 85 к., „Фаустъ“—802 р. 10 к., „Демонъ“—651 р. 60 к., „Травиата“—644 р. 35 к., „Жидовка“—396 р. 06 к., „Дубровский“—691 р. 55 к., „Севильтскій цирюльникъ“—320 р. и повтореніе „Онѣгина“—402 р. 94 к., итого за 13 спектаклей—8,472 р. 18 к., немногимъ болѣе 650 р. на кругъ. Такой сборъ для Верхъ-Исетскаго театра, имѣющаго, какъ народный домъ, очень дешевыя мѣста, надо считать очень хорошимъ. Нельзя, конечно, поручиться за то, что такіе сборы будутъ все время, пока здѣсь будетъ опера, т. е. до 10 декабря, дня переѣзда оперы въ Пермь, но нѣтъ также основанія опасаться сильнаго пониженія сборовъ. Условія, создавшія нынѣшній успѣхъ оперы, кроются въ удачной постановкѣ дѣла: въ подборѣ силъ труппы, хорошемъ режиссерѣ и знаемъ музыку дирижерѣ. Правда, въ труппѣ нѣтъ громкихъ именъ, но есть хорошія пѣвицы, какъ г-жи Тиманина, обладающая прекраснымъ лирико-колоратурнымъ сопрано (рѣдкій успѣхъ въ парти Розины въ „Севильтскомъ цирюльникѣ“), Гарина, Познякова, Лаврова и еще нѣкоторые другія. Между мужскими голосами нѣкоторые успѣли уже привлечь къ себѣ вниманіе публики. Пьесы ставятся старательно, умѣло и на столько хорошо, на сколько позволяютъ сцена и средства. Позже подлѣю подробнымъ отчетомъ объ успѣхахъ самаго дѣла и—каждого изъ пѣвицъ и пѣвцовъ въ отдѣльности.

Г. Левицкій предоставилъ бесплатно 4 логи учащимся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ и 50 мѣстъ рабочимъ Верхъ-Исетскаго завода. Кромѣ того, имъ на-дняхъ данъ безплатный спектакль для этихъ же рабочихъ.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Мужской персоналъ новочеркасской драматической труппы С. И. Крылова сильнѣе женскаго. На первомъ мѣстѣ стоитъ г. Двинскій, артистъ съ сильнымъ темпераментомъ, большой сценической опытностью и самымъ разностороннимъ дарованіемъ. Помимо ролей своего настоящаго ампула героя-любовника, исполняемыхъ имъ съ хорошимъ успѣхомъ, несмотря на сутловатую фигуру, г. Двинскій очень успѣшно выступаетъ во многихъ характерныхъ роляхъ и оканчивается безусловно прекраснымъ простакомъ.

Вполнѣ сложившимся, опытнымъ и довольно разностороннимъ артистомъ на первыя роли является г. Никольскій-Федоровъ. Обладая красивой фигурой, звучнымъ, сильнымъ голосомъ и довольно высокимъ ростомъ, этотъ артистъ мастерски умѣетъ, гдѣ слѣдуетъ, показаться и хилымъ, и болѣзненнымъ, и голосъ измѣнить почти до неузнаваемости. Къ сожалѣнію, въ игрѣ г. Никольскаго-Федорова нерѣдко замѣчается недостатокъ темперамента и даже нѣкоторая „дѣланность“, въ ущербъ простотѣ и естественности.

Новый для Новочеркасска артистъ на характерныя роли г. Нероновъ, приглашенный на мѣсто пользовавшагося въ прошломъ сезонѣ выдающимся успѣхомъ г. Маликова, сразу обратилъ на себя завидное вниманіе всей публики и приобрѣлъ общія симпатіи. Дебюты его дѣла небольшие, но довольно отвѣтственныхъ роляхъ были настолько удачны, что я съ нетерпѣніемъ ждалъ выступленія его въ большой и трудной роли. И вотъ, 18 октября, на нашей сценѣ была поставлена „Смерть Іоанна Грознаго“, въ которой г. Нероновъ исполнялъ главную роль.

Несмотря на полный недосугъ въ этотъ вечеръ и мою крайнюю нелюбовь посѣщать пьесы, которыя у насъ *застѣмано* не могутъ быть удовлетворительно обставлены и исполнены съ порядочнымъ ансамблемъ, на этотъ спектакль я явился исключительно ради г. Неронова, имѣвъ терпѣніе остаться до конца и убѣдился, къ сожалѣнію, что роль Грознаго пока еще ему не по плечу. Не имѣя возможности подробно разобрать игру г. Неронова, могу лишь сказать, что онъ былъ только удовлетворителенъ, а это на фонѣ слабой постановки и совсѣмъ плохого ансамбля не могло спасти пьесы отъ провала. Лучшие другіе въ этой пьесѣ были г. Никольскій-Федоровъ (Гарабурда) и г. Михайловъ (Сицкій). Вся пьеса поставлена была съ большими купюрами, и режиссеръ при этомъ совсѣмъ не считался съ указаніями автора, сдѣланными послѣднимъ въ его „проектѣ постановки на сцену трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“ и въ письмѣ Маркевичу его же о постановкѣ трагедіи на Веймарской сценѣ.

Не буду распространяться объ игрѣ г. Михайлова, такъ какъ этотъ артистъ является заслуженнымъ ветераномъ русской сцены вообще, и въ частности новочеркасской, на которой онъ подвизается не менѣе 15 сезоновъ. Наша публика первое появленіе его на сценѣ встрѣчаетъ положительно восторженно, и такое отношеніе къ нему сохранять до конца. Кажется, что для этого артиста дурныхъ ролей совсѣмъ не существуетъ: каждую онъ сумѣетъ сыграть правдиво, живо и интересно.

Пятымъ премьеромъ нашей труппы является режиссеръ г. Григорьевъ. Объ этомъ артистѣ приходится сказать, что

при всей его опытности, серьезномъ отношеніи къ дѣлу и интеллигентности, онъ часто кажется слишкомъ холоднымъ, чересчуръ сдержаннымъ и тяжеловатымъ. Несмотря на его ампула бытового любовника, въ немъ по натурѣ слишкомъ мало пылкости, увлеченія, страсти.

Матовъ.

ЦАРИЦЫНЪ и/В. Зимній театръ В. М. Миллеръ. Сезонъ открылся 28 сентября пьесой „Рабство“. Пьеса поставлена тщательно. Исполненіе удовлетворительное. Цѣны на спектакль для нашего города удивительно дешевы отъ 25 к. до 1 р. 25 к. Не смотря на это, публики на открытіи было не особенно много. Слѣдующіе спектакли—30 сентября: утромъ—„Въ старые годы“ Шпажинскаго (удешевленн. отъ 15 к. до 55 к.) и вечеромъ „Цѣна жизни“. Пьесы эти прошли съ ансамблемъ. Это дѣлаетъ честь режиссеру г. Шувалову.

Къ составу труппы присоединились еще артисты: г. Вольскій-Ленскій и г. Рожковъ, знакомецъ мѣстной публики по

зимнему сезону 1906—1907 г. въ антрепризѣ „приснопамятнаго“ г. Собекаго.

Павелъ Гильдебрандъ.

Г. МОРШАНСКЪ. Драма. Антреприза В. А. Сергѣева и А. Д. Моисеева. Отчетъ за сезонъ съ 24 апрѣля по 17 августа. Взято воловой цифры 7,634 р. Расходъ 8,750 р. Убытокъ 1,116 р. Репертуаръ разнообразный. Лучшіе сборы дали бенефисы: Ворцовой („Крикъ жизни“—392 р.), Дубова („Наслѣдственный принцъ“—203 р.), Бородинъ („Кавалерійская атака“ и „Качели“—278 р.), Корнилова („На днѣ“—186 р.), Боярова („Погромъ“—190 р.), Сергѣева („Ивановъ“—314 р.). Новыя пьесы сборовъ не сдѣлали, такъ, наприимѣръ, „Въ городѣ“—41 р. и „Богъ мести“—27 р. Кромѣ бенефисовъ дѣлали сборы фарсы, пока постановка ихъ не была запрещена „безъ объясненія причинъ“.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Первое на югѣ оссиі художественно-декоративное ателье.

Изготавливаетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ:

декорацію, обстановку, бутафорію, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову театальной техники.

Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій.

Подробныя свѣдѣнія и смѣты требовать: Одесса, контора

художника **М. БАСОВСКАГО.**

М. Арнаутская, д. 60, кв. 18.

Вырѣжьте на память — пригодится.

52—13

МАЙСКАЯ РОСА

лучшее средство, придающее лицу натуральную бѣлизну, нѣжность и красоту, удаляющее веснушки, угри, прыщи и морщины. Дѣйствіе замѣтно съ перваго употребленія! Пробное натираніе лица производится въ кабинетѣ „Майской Росы“ бесплатно.

Не кремъ, а прозрачная жидкость!!! Цѣна флакона 2 р. 50 к. продается исключительно у изобрѣтательницы

А. К. ВЕЙБЕЛЬ.

Спб. Екатерининскій кан. д. 49, кв. 25.
у Каменнаго моста.

ПОСЛѢДНІЙ КРИКЪ

моды. Бинокли для театровъ художественной работы лучшихъ французскихъ мастеровъ и художниковъ. Стилъ: Moderne, Vateau, Louis XIV, Pompadour etc. Колоссальный выборъ вѣтъ конкуренціи. Цѣны отъ 2 руб. 50 коп. до 200 руб.

Гг. артистамъ скидка 10%. Для гг. сценическихъ дѣятелей, страдающихъ часто головной болью — паразитальная новостъ: охлаждающій никелевый компрессъ. Моментальное облегченіе болей, даже во время одного антракта.

Цѣна съ пер. и упак. 3 руб. Требуйте, съ ссылкой на журналъ „Театръ и Искусство“, новые каталоги.

Много интереснаго для гг. артистовъ Спб. Невскій, 6.

Оптикъ и механикъ **А. БУРХАРДЪ.**

5—4

МАССАЖЪ ЛИЦА

по новѣйшему парижскому способу.

Устраненіе морщинъ, красноты, веснушекъ, прыщей, угрей и прочихъ дефектовъ кожи лица, шеи и рукъ. Уничтоженіе излишней полноты двойныхъ подбородковъ, отековъ и т. д.

Укрѣпленіе волосъ электро-вибро-массажемъ общій и врачебный.

Паровыя ванны, саѣтоленіе.

Продана лучшихъ заграничныхъ косметикъ и духовъ.

Ю. И. ШАГИНА.

Пантелеймоновская 11, кв. 37.

„ЖИЗНЬ ПАДШЕЙ“.

(Какъ это бываетъ)

въ 5 д., переводъ Е. М. Бабецкаго.

Выдается палокъ плат. за 2 р. 50 к. изъ копт. „Театра и Искусства“.

— МЕСТЕРЪ-ТЕАТРЪ —

Невскій 65. * Телефонъ 12—72.

— Говорящихъ, поющихъ, концертирующихъ живыхъ картинъ. —

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО СЕНСАЦІОННЫЯ НОВОСТИ!!

ГВОЗДИ СЕЗОНОВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ!!

Цѣны мѣстамъ: отъ 55 коп. до 1 р. 60 коп. Ложи 6 р. 50 к.

Спеціальныи отдѣлъ: до 200,000 метровъ, продажи и проката новѣйшихъ фильмъ и аппаратовъ.

Гос. Театр. Биб-ка

Лит. Библиотек. 1907. 12

12/12/07

Составы труппы.

Елец. Театр перешел от г. Панормова-Сокольского к Н. Н. Алмазову. Театр внутри заново отремонтирован. Спектакли 4 раза в неделю; при чем один спектакль в неделю общедоступный, по значительно уменьшенным ценам. Намечены к постановке: „Жизнь человека“, „Чортушка“, „Пробуждение весны“, „Черные вороны“, „Бог-мещи“, „Рафльс“, „Красотка с дивными глазами“, „Безначальные“, и др.

В состав труппы вошли: г-жи М. К. Леонтьева, В. Н. Леонова, М. Г. Шляпина, В. И. Велинская, Д. С. Образцова, О. М. Голицына, Ю. А. Нильская, Ю. К. Воронович, В. С. Пелева и А. В. Федоровская; гг. И. Л. Арканов, Н. Н. Алмазов, М. П. Ратмиров, Б. Э. Борисов, Г. Г. Курбатов, В. А. Степняк, А. З. Темрин, В. И. Агринский, В. В. Александров, Н. С. Максимович, А. В. Мурский, Г. Х. Лихачев. Главный режиссер И. Л. Арканов, режиссеры и его помощники Б. Борисов и Н. Максимович. Суфлеры и управляющий театром П. Д. Лаухинь.

Стерлитамак. Зимний сезон. Драматическая труппа, под управл. А. Н. Помпа-Лирского. Состав: г-жи Е. П. Лирская, Е. М. Левандовская, М. М. Холмская, Е. Д. Инсарова, А. И. Савицкая, С. Д. Билинская; гг. Ф. А. Абрамов, А. Г. Задольский, А. Н. Помпа-Лирский, М. Н. Ланской, Н. А. Судьбинин, А. Э. Варшавский, Г. В. Святоточ, Режиссер-распорядитель А. Н. Помпа-Лирский. Помощник режиссера Г. В. Святоточ. Суфлер А. Д. Ивановский.

Уфа. Сообщаем состав опереточной труппы С. Ф. Залесского-Щипило, снявшего на зимний сезон театральный зал при В. Сибирской гостинице.

Женский персонал: А. Н. Стефани-Варгина, М. Н. Рязанова, Е. Ф. Малинова, А. В. Борисова, Н. В. Галицкая, А. Л. Горская, О. П. Райская, Р. К. Крамская. В состав мужского персонала вошли: Е. Ф. Зайцев, П. М. Павлов, Н. Дубровский, П. Г. Донской, П. Елинов, А. Пискарев, А. Плюсин, М. Суров и друг. И. Ф. Шупец (дирижер), А.

Слоинь (концертмейстер) и администратор Н. А. Борисов. Сезон открывается „Цыганским бароном“ 12 октября. С. А. Вольская и г. Бураковский, подписавшие контракт еще летом, не приехали.

Оренбург. Драматическая труппа З. А. Малиновского открыла сезон 30 сентября пьесой „Ольгин день“. Сбор был полный. Прием хороший. Приводим состав труппы (по алфавиту): г-жи П. П. Гранская, М. В. Григорьева, Е. С. Добролюбова, Е. Ф. Кардыш, В. Н. Львович, З. А. Малиновская, Е. А. Матрозова, К. И. Остроградская, Е. И. Трубецкая, Н. А. Чернова; гг. А. Н. Арди, М. Н. Билинович, А. В. Бернадский, В. В. Галль-Савальский, К. А. Добжинский, К. Е. Костин, Н. В. Михаленко, Н. Н. Младушевский, А. С. Незнамов, В. Н. Ремезов, Э. А. Строганова, К. В. Танский, А. А. Уралов, Д. О. Хлапов. Главный режиссер Э. А. Строганов, пом. реж. К. Е. Демидов, суфлер С. И. Чернов.

Николаев. Зимний сезон. Драма. Антреприза А. М. Коралли-Торцова. Состав труппы: г-жи К. И. Аксенова, С. А. Булдина, М. Высокая, А. Ф. Вольская, К. Л. Гравина, М. С. Дымова, А. А. Ленская, И. А. Лукомская, Т. П. Мравина, О. Н. Ольгина, М. М. Рутковская, Р. А. Раисова, Е. И. Тарасова, В. К. Федотова и А. А. Шутова. Мужской персонал: гг. А. П. Анисимов, К. Е. Вольщак, А. Н. Вестужев, А. А. Горбачевский, В. А. Дружинин, Е. Т. Дольский, И. П. Кутузов, А. М. Коралли-Торцов, Н. А. Молчанов, Н. М. Оболенский, И. И. Поплавский, М. А. Постников, А. А. Панаев, А. А. Тарасов, С. И. Трояновский, И. М. Чернов-Сибиряк, А. Т. Шалфев.

Гл. режиссер А. М. Коралли-Торцов, режиссеры Н. А. Молчанов и А. А. Горбачевский. Пом. А. Т. Шалфев. Суфлер Н. М. Оболенский.

Сезон открылся 29 сентября „Ивановым“.

О Б Ъ Я В Л Е Н И Я.

Вышла в свет новая книга:

МЕМУАРЫ

1-1

Сары Бернар

с предисловием Катюла Мандеса
цѣна 80 коп.

Выписывающие из склада за пересылку не
платят. СПб. Александринская пл. 5.

Книжный склад Г. С. Цукермана.

**Театральный календарь
на 1907—1908 гг.**

Справочная и записная книжка
для опереточных деятелей и театралов в 4-х частях.

Цѣна в переплетѣ 1 руб. 1-1

Выписывающие от составителя А. О. Коше-
вцова (Москва, Молчановка, Криво-Николь-
ский пер., д. Объяновых, кв. 4) за пересылку
не платят. Налож. платеж 10 коп.

„ПОДЪ УГРОЗОЙ“

драма в 4 д. Кистемера (автора пьесы
„Истинка“), перев. г. Полякова.
рукоп. цензур. экз. 6 руб.

**Репертуар Императорских
С.-Петербургских театров**

с 5 октября по 12 ноября.

В Александринском театре. 5-10: „Жанина“, 6-10: „На бойкомъ мѣстѣ“, „Раскольниковъ и Порфирий Петровичъ“, 7-10: „Дѣло“, 8-10: „Склять“, 9-10: „Не въ свои сани не садись“, „День денщика Душкина“, 10-10: „Маленький Эйольфъ“, „Раскольниковъ и Порфирий Петровичъ“, 11-10: „Гроза“.

В Мариинском театре. 5-10: „Кавказский пленникъ“, 6-10: „Гугеноты“, 7-10: „Франческа да Рамини“, 8-10: „Кавказский пленникъ“, 9-10: Съ участіемъ Л. В. Собинова: „Риголетто“, 10-10: Концертъ оркестра Императорской „Русской Оперы“, 11-10 утр.: „Жизнь за Царя“, веч.: прославленный бенефисъ М. М. Петира. „Раймонда“, бал. Дивертиссементъ.

В Михайловском театре. 6-10: и 8-10: „La rivale“.

Слабыя въ развитіи или въ ученіи отстающія дѣти, а также малокровные, себя слабо чувствующіе и нервные, переутомившіеся, легко раздражающіеся взрослые всякаго возраста употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство, съ большимъ успѣхомъ.

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевныя и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте наивязывать себя поддѣлокъ.

ПЕРВОЕ РОССИЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

учрежденное въ 1827 г. заключаетъ:

I. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ОГНЯ:

- Недвижимыхъ имуществъ всякаго рода.
- Движимыхъ имуществъ, товаровъ и машинъ.

II. СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ:

- Страхованіе капиталовъ на случай смерти и на дожитіе.
- Страхованіе ренты.

III. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ НЕОЖИДАН. СЛУЧАЕВЪ:

- Колѣнниковъ, рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ, заводахъ, горныхъ промыслахъ, въ сельскихъ и городскихъ хозяйствахъ, при всякихъ строительныхъ работахъ, а также судовыхъ командахъ.
- Осуществленіе лизъ-отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, какъ въ сферѣ служебной дѣятельности, такъ и вне таковой.
- Пассажиры-отъ несчастій съ поездами желѣзныхъ дорогъ и пароходами, по пожарнымъ пѣнамъ.

ПРАВЛЕНІЕ: ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, МОРСКАЯ, 40.

Агенты во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Имперіи.

**НОВАЯ КНИГА.
АННА САКСАГАНСКАЯ.**

Драматическія сочиненія.

Томъ второй.

„На новую дорогу“. Пьеса въ 4 д.
„Вѣтъ закона“. Драма въ 3 д., 4 к.
„Безумная“. Драма въ 2 д. и 3 к.

Цѣна 2 рубля. 10-5

Продается въ конторѣ „Театра и Исн.“

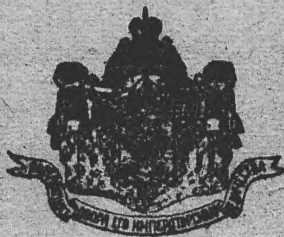
„ЗОЛОТЫЯ ПУТЫ“

(„Золотыя оковы“).

к. въ 4 д. Вріе, перев. Ал. Ларина, ц. 2 р.

РОЯЛИ ПИАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

Губ. г. ЧЕРНИГОВЪ.

Лучшій въ провинціи лѣтній театр (2-хъ ярус., закрытый) сдается съ 5-й по 1-ю Ноябрь. Освѣщ. электр. Вѣст. по дѣламъ отъ 4 р. до 22 к.—550 р. Образъ: Черниговъ, театр. А. А. Вольскому. 5—1

Въ книжнѣ и музыкальнѣ
магазинѣ

Л. ИДЗИКОВСКАГО,

Кіевъ, Крещатики, 29.

Поступили на складъ слѣд. книги:

Чтецъ-декламаторъ.

Художеств. сборн. стихотв. сценъ, рассказовъ и монологовъ, для чтенія въ дивертисмент., на драматич. курсахъ, литературн. вечер. и т. п.
Томъ 1-й. Изданіе 7-е исправл. и значит. дополнен. 680 стр. съ 85 порт. писателей и артистовъ.
Томъ 2-й. Изданіе 3-е значит. дополн. 600 стр. съ 75 портрет. писателей и артистовъ Москов. Худож. театра и Импер. театровъ. 2-й томъ вмѣщаетъ около 400 стихотв. сценъ и рассказовъ не помѣщен. въ 1-мъ томѣ.

Украинскій декламаторъ „Развага“.

Виданія 2-го дополненіе 580 стор. а стильными украинскими вирирунками и закладками. Вмѣщая больше 450 поезій і оповіданъ для читанія и декламування з мелодією. уложив Олекса Коваленко „Остання ніч“ муз. М. Лисенка и „Ще не вмерла україна“ муз. Стеценка.

Украинскій-декламаторъ

„Досвітні огни“.

Збірка поезій и прози до читання и декламування, упорядкувавъ Б. Гринченко. 500 сторин, з мелодією. Сафо, муз. М. Лисенка. Наука и Смутні картини муз. М. Левицького. Цѣна каждаго сборника по 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 75 к. „Эрость и Пейсеея“. Драм. поэма Г. Жулавскаго въ 7 д. Цѣна 60 коп. Большой выборъ пѣснь прежняго и современ. репертуара.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

За окончаніемъ 15 Мая 1908 года срока аренднаго договора, будетъ сдаваться въ аренду вновь для постановки спектаклей въ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ городской „НИКОЛАЕВСКІЙ“ театр, срокомъ на три года. Кондиція и всѣ необходимыя справки можно получить въ Нижегородской Городской Управѣ въ присутственные дни и часы. Заявленія приниматься будутъ до 1 Января 1908 года.

КЛУБЪ

Членовъ Общества взаимнаго кредита приказчиковъ въ Ростовѣ на Дону приглашаетъ, на лѣтній сезонъ 1908 года, (съ 1-го мая по 1-е сентября) симфоническій оркестръ музыки въ 52 человѣка. Предложенія, съ назначеніемъ стоимости и состава инструментовъ оркестра, адресовать на имя клуба. 2—3

Театръ благоустроенный

въ большомъ городѣ, на 1200 чел. предлагается съ перевод. долга очень выгодно. со всѣмъ инвентаремъ въ полномъ году. Театръ новый, камен. съ электр. и паровымъ отоплен. Образъ. писемъ. Кіевъ, Проввская ул., 7, кв. 6. Л. М. А. 5—3

ВЪ КОНТОРѢ „ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

продаются безусловно дов. пьесы Ю. Громаковской:
„Задачи жизни“ 4 д. „Пр. Вѣст.“, 188, ц. 1 р. 50 к. „Гдѣ не чается, тамъ случается“, вод. 1 д., „Пр. Вѣст.“, 226, ц. 50 к. „Зимній сонъ“, пер. др., 3 д., „Пр. Вѣст.“ 62, ц. 75 к. „Инстинкты“, пер. 3 д. 1—1

БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО
Д-ра ЛЕНГИЛЯ
въ ВѢНѢ
для БЛИЗКИХЪ СМЯЧЕНІЙ
и ЧИСТОТЫ
КОЖИ, ЛИЦА
и РУКЪ
Придаетъ Кожи Свѣжій Видъ,
рекомендуется какъ
Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ
ВАСИЛЯ АУРИХЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
ЕДИНСТВЕННОГО АГЕНТА
для Россіи

Leichner's Fettmilder

Жирная пудра Лейхнера. Цѣна коробки 1 рубль.

Лучшая пудра для вечера, а также и дня. Незамѣтна на кожѣ.

Косметическое средство для красоты кожи.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ГРИМИРОВКИ, РУМЯНА, БѢЛИЛА И КАРАНДАШИ ДЛЯ БРОВЕЙ.

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. Лейхнеръ, Берлинъ, поставл. королевск. театр. Берлина и Брюсселя. Главн. ное Дѣло для Россіи: Спб. ТЕХНО-Химич. лаборат., Лиговская, 123.